

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

СЕРИЙНЫЙ
ЛЮБОВНИК

Полковник Гуров

Николай Леонов
Серийный любовник

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Серийный любовник / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-101714-9

Новый роман о мастере сыска полковнике Льве Гурове. Четверть века на книжном рынке! В контейнере товарного поезда найден труп молодой женщины. На теле никаких следов насилия – смерть наступила от истощения. Необычное дело поручено полковнику МВД Гурову. Он поднял архивные дела о похожих странных смертях и вскоре выяснил, что практически все эти преступления совершаются по одному сценарию. Сначала женщины знакомились с привлекательным мужчиной, затем пропадали, после чего их находили мертвыми. Серийный маньяк? Но как он расправляется со своими жертвами? Над разгадкой Гурову пришлось попотеть, но зато она стала настоящим потрясением для оперативников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101714-9

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Серийный любовник	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Леонов, Алексей Макеев

Серийный любовник

Серийный любовник

Глава 1

Грузовой состав Москва – Владивосток подходил к конечной станции. Для работников вагонного хозяйства перегон был не из легких. Непонятно, кто больше напортачил, операторы станционных технологических центров или сотрудники пунктов технического обслуживания, но на всем пути следования грузовому составу будто кто палки в колеса вставлял. Ни один перегон не удалось преодолеть без простоев. И вместо стандартных семнадцати дней до Владивостока шли почти целый месяц.

На грузовых составах простои – дело привычное. Тут два дня простоишь, там на трое суток зависнешь, в дороге всякое случается. Бригада поезда всегда готова к этому, без выдержки в их деле никуда. Но чтобы вот так, на каждой мало-мальски значимой станции сутками отстаиваться? Такого со старшим смены, Дядько Кириком, за тридцать лет работы воспитавшим не одно поколение железнодорожников, еще не случалось. В особо трудные переходы именно он настраивал молодых парней на долгое ожидание, чтобы те от скуки в запой не ушли или в преферанс получку на три месяца вперед не просадили. Но тут и у него нервы сдали. Последние три дня он ходил смурной, ворчал на всех и каждого, кто попадался под руку, огрызался на замечания начальника поезда и даже хамил станционным диспетчерам.

Даже когда на горизонте замаячили подъездные пути к товарным платформам Владивостокского железнодорожного вокзала, Дядько Кирик не расслабился, как это обычно происходило. По непонятной причине тревога его только усилилась. Вконец замотанные парни из вагонного хозяйства сгрудились вокруг Кирика, ожидая коронной фразы, но тот рот открывать не спешил. Минут пять парни стояли молча, пока до них не дошло: смесь военной и морской терминологии, щедро приправленная словечками собственного сочинения, не прозвучит. Обычно Дядько Кирик выдавал нечто вроде «Суши весла, отстрелялись, жестянка дальше не пойдет» или что-то в этом роде, но сегодня ему было явно не до оптимизма.

Постояли, постояли и разошлись, так и не дождавшись команды. Да и к чему она, когда бригада слаженная, работу свою каждый и без подсказки знает? Потянулись вдоль платформы, отстукивая то, что требовалось отстучать, отцепляя то, что необходимо отцепить. Дядько Кирик наблюдал за процессом издали. Согласованность в действиях подчиненных слегка улучшила расположение духа, Кирик даже улыбаться начал. Пока не увидел, как от шестнадцатого контейнера к нему Витька Доброхот метнулся. Да так, точно на него собак спустили.

«Что за хрень еще там приключилась?» – подумал Кирик, в недоумении наблюдая за приближением парнишки. Свое прозвище Доброхот Витька получил не случайно, уж больно любил парень людям угождать. Нет, подхалимом и лизоблюдом Витька не был. Просто такой уж был характер: ждать, пока о помощи попросят, не умел, если чем мог помочь, непременно делал. Парни из бригады Кирика с первого же дня сообразили, какая удача им привалила, и поначалу пытались бескорыстностью Витьки пользоваться. Но на то над ними Дядько Кирик и поставлен, чтобы перегибы исправлять. Пара недель ушла на восстановление равновесия в бригаде, но оно того стоило. Витька Доброхот продолжал делать свои добрые дела, но исключительно по собственной инициативе, а не ради развлечения других парней.

То, что Доброхот мчит на всех парах к бригадиру, могло означать лишь одно: доклад не терпит отлагательства. И чувствовал, что новость его ждет отнюдь не радостная. Так и вышло. Доброхот поравнялся с ним и, глотая горячий воздух, с усилием выдохнул:

– Дядько Кирик, ты бы сходил взглянул на шестнадцатый.

– Что еще стряслось? – Кирик нахмурил брови, но с места не сдвинулся. – У самого гляделки на что? Не можешь определить, в чем суть проблемы?

– Посмотреть могу, даже понюхать. А вот определять, насколько проблема велика, – это уж твоя забота, бригадир.

– А что там? Сдох, что ли, кто в контейнере?

– Похоже на то. Вонь стоит офигительная.

– Ладно, почапали, – кивнул Кирик и двинулся по платформе. – Надеюсь, дуболомы-погрузчики никакую живность в контейнер не заперли. Не хватало нам разбирательств с «зелеными».

О представителях общества охраны животных Кирик вспомнил потому, что не далее как три рейса назад имел дело с их инициативной группой, а заодно и с целой когортой журналистов. И тех и других Кирик на дух не переносил, то, чем они занимались, работой вовсе не считал, а уж чтоб поддерживать их инициативы, о том и речи не шло. Тунеядцев и бездельников на Руси хватает, считал он, пером да транспарантами махать большого ума не надо, а ты не языком, а руками что-то полезное смастери, тогда и разговор другой будет.

Возле контейнера собралась почти вся бригада, новости на «железке» распространяются быстро, а история с загубленной псиной, из-за которой не так давно разгорелся сыр-бор, все еще была свежа в памяти путейцев. Тогда какой-то чудила на букву «м» запер в грузовом контейнере бродячую собаку. Как она туда пробралась, так и осталось тайной, но факт несанкционированного провоза меньшего брата человеческого, вернее, его жестокая и мучительная кончина, ослабил бригаду на всю железную дорогу. Повторный казус, да еще так скоро после первого, мог навсегда погубить репутацию Кирика и его парней. И неважно, что состав формируют совершенно другие службы и Кирику те достаются исключительно в опломбированном виде, проморгал убийство псины – значит, отвечай.

– Дядько Кирик, это что ж за напасть такая! – возмущенно пробасил бригадный заводила Санек Котов. – Не успели от первой порции дерьма отмыться, а на нас уже вторую льют?

– Погоди, Санек, бузить. Может, еще не все так страшно, – остановил его Тихон Николаевич. В бригаде он считался старожилом, и к мнению его старались прислушиваться.

– Вот-вот, – поддержал Тихона Дядько Кирик. – Не факт, что ситуация повторяется. Может, просто груз перепутали. Загрузили скоропортящийся продукт вместо холодильника в обычный контейнер, вот он и задохнулся.

– Да ты воздух понюхай. Там, должно быть, пара туш говяжьих сварилась. – Для наглядности Санек с шумом втянул воздух через нос и тут же скривился. – Это тебе не бочки упакованные перепутать. Корова – она ведь в коробок спичечный не влезет.

– Вонь и правда омерзительная, – согласился Кирик. – А пломбы на месте. Странно.

– Что делать будем, бригадир? – задал Санек вопрос, который в данный момент крутился на языке у каждого из бригады.

– Что-что, наряд станционный вызывать. Пусть пломбы вскрывают и выясняют, что за пакость нам погрузчики подсунули, – заявил Дядько Кирик.

– Может, сперва сами посмотрим? – осторожно предложил Тихон Николаевич.

Если бы предложение внес кто-то другой, бригадир и внимания бы не обратил, но Тихон? Раз уж он опасается подлянки, значит, подумать есть над чем. Кирик сдвинул брови, обвел парней суровым взглядом. Те взирали на него с надеждой. Ясное дело, второй раз на посмешище себя выставить никому неохота. Но и в чужой собственности без санкции копать

перспектива не из приятных. «А, чтоб вас всех! – мысленно выругался Кирик. – Нет, пора на покой уходить. Пока с позором не выставили».

– Пломбы ломать не дело, – начал он размышлять вслух. – От одной проблемы уйдем, на другую напоремся.

– А зачем ломать? Мальчик их аккуратненько подсадит, – выдал все тот же Тихон Николаевич.

– Твой Мальчик подсадит, – проворчал Кирик. – И нас заодно на нары.

Мальчиком в бригаде звали Валентина, мужчину за пятьдесят, но с детским, почти мальчишеским лицом и проворными руками. Валентин был из бывших сидельцев, лет восемь по зонам оттоптал, пока к Кирику не прибил. Сидел за разные провинности, но специализацией своей считал мошенничество. Подделать государственный документ так, чтобы никакая проверка не подкопалась, – это для Мальчика проще простого. Бумага с водяными знаками и без. Личные подписи власть имущих, включая почерк рукописных документов. Голоса и смех. А уж на печатях Мальчик, можно сказать, собаку съел. Для него нет разницы, какой штампик продублировать, хоть гербовый, хоть именной, хоть объемный на сургуче или воске или же на бумажку припечатанный.

Поначалу к Мальчику в бригаде относились с опаской. Все, кроме самого Кирика. Вот он Валентина враз принял, со всеми заморочками и шероховатостями. Что-то он в нем разглядел такое, что позволило уровню доверия до ста процентов подняться. К примеру, тому же Саньку Котову Кирик доверял разве что процентов на восемьдесят без хвостика. Вот и Тихон. Хоть и свойский мужик, а если припрет, подставит любого, лишь бы самому сухим из воды выйти. Для него своя рубаша в любом случае ближе к телу, и он всегда себе на уме. Где-то слово сболтнет, где-то заленится, а иной раз и в открытую от работы откажется, если выгоды не увидит.

Про Мальчика такого Дядько Кирик сказать не мог. Знал, нутром чувствовал: случись настоящая беда, положиться он может только на него, да еще, пожалуй, на Доброхота. Потому и подставлять Валентина ему не хотелось. Кто знает, что они внутри найдут, если сунутся? С остальных-то как с гуся вода, а вот им с Валентином не поздоровится. Кирику – как начальнику, Валентину – как сидельцу. Пока Кирик раздумывал, Мальчик стоял поодаль и молча наблюдал за терзаниями бригадира. В отличие от Доброхота на рожон он никогда не лез, зононский опыт сказывался.

– Что скажешь, Валентин? – Обращаясь к Мальчику, Кирик никогда не использовал кличку, хотя тот против прозвища ничего не имел.

– Надо – сделаем, – прозвучал лаконичный ответ.

– Надо, Мальчик, ох как надо, – подскочив к Валентину, затараторил Санек. – Сам посуди: вскрыют хозяева контейнер, а там корова дохлая по пожиткам их стекает. И как мы опять выглядеть будем? Журналюги ведь враз пронюхают, сенсацию раздуют, а начальство нас премии лишит.

– Ты, Санек, как всегда, только о деньгах печешься, – вступил в разговор Доброхот. – А человека за твои «надо» под статью подведешь, что тогда?

– Да кто его подводит? Он ведь профессионал. Непревзойденный ас в этом деле, – отбивался Санек. – И потом, тебе деньги карман, что ли, жмут? Мы здесь не за идею горбатимся, верно, парни?

Бригада загудела, поддерживая Саньку. Мальчик усмехнулся и неспешным шагом направился к купейному вагону, в котором квартировала бригада во время следования состава. Осматривать пломбы на шестнадцатой платформе ему нужды не было, за годы работы насмотрелся. Он и без того знал, что при дальних грузоперевозках использовались стандартные силовые пломбы. Скобы надеваются на стержни запорного вала контейнера и стопорятся болтом в нужном отверстии, вот и вся премудрость. Избавиться от такой конструкции можно с помощью

болтореза, правда, сделать это, не повредив конструкцию, просто невозможно. Оттого они и надежны, что применяются однократно, а после демонтажа попросту выбрасываются.

К тому же каждая силовая пломба имеет уникальный шести- или семизначный номер, который указывается в сопроводительных документах. Но на деле номера эти никто никогда не сверяет, и нужны они лишь при судебных тяжбах. А вот это для Мальчика являлось неоспоримым плюсом. После случая с собакой запасливый Валентин обзавелся дюжиной силовых пломб различной модификации и теперь в сложившихся обстоятельствах был этим весьма доволен. Работы там и правда минут на пять, не больше, а помочь Кирику – дело святое.

Вернулся Мальчик ровно через пять минут. В руках он нес болторез. Поравнялся с парнями, те посторонились, уважительно поглядывая на торчащую из кармана стальную конструкцию силовой пломбы, точно такую же, как та, что запирала издающий вонь контейнер. Валентин, любитель эффектных выступлений, походил вдоль платформы, будто примеряясь, как и что лучше сделать, затем еще пару минут таращился на запорный механизм, хмурясь и бормоча себе под нос нечто нечленораздельное. Парни наблюдали, не решаясь задавать вопросы или еще каким-то образом беспокоить «спеца». Насладившись вниманием, Мальчик сомкнул болторез на соответствующем обозначении на скобе и в один укус перекусил металл. Обе части пломбы слетели с запорного вала, и он, закинув болторез на плечо, отступил в сторону.

– И все? – разочарованно протянул Санек.

– Обратно-то как ставить будешь? – задал вопрос практичный Тихон Николаевич.

– Все предусмотрено, – с кривой улыбкой на губах заявил Мальчик.

– Надеешься, поставишь вот эту штуковину и никто не заметит? – Тихон Николаевич ткнул пальцем в оттопыренный карман Мальчика. – Ты хоть в курсе, что на этих пломбах номера имеются?

– А ты в курсе, где и когда их сверяют? – огрызнулся Мальчик.

– При получении груза, – авторитетно заявил Тихон.

– Удивляюсь я тебе, Тихон Николаевич. Вот вроде взрослый мужчина и мозгами не обижен, а элементарной наблюдательности не имеешь. – Мальчик снова завладел вниманием аудитории, отчего голос его зазвучал едко и обидно. – Сколько лет ты на железке чалишься?

– Да уж побольше твоего, молокосос, – начал заводиться тот.

– Вот и скажи мне, мой подозрительный друг, сколько раз тебе приходилось это делать?

– Что «это»?

– Сверять номера пломб.

– Самому не доводилось, но ведь есть правила, – начал Тихон Николаевич, однако, поймав насмешливый взгляд Мальчика, осекся.

– Интересно, на что же я надеюсь? Вероятно, на высшую справедливость, которая не позволит заклеить позором ваше доброе имя, Тихон Николаевич, – съязвил Мальчик.

После этих слов на лицах парней замелькали улыбки.

– А ведь верно, частники на номера и внимания не обращают. Их больше заботит, как подешевле да побыстрее груз до дома доставить. Пломба на месте, и хорош, – зашелестели голоса.

Валентин отошел в сторону, представление с его участием подошло к концу, пришло время выхода главного героя. Дядько Кирик без слов понял его жест. Он выступил вперед, поднял руку, призывая парней к тишине. Шепотки стихли.

– Ну что, парни, посмотрим, кто на этот раз сдох? – почти весело проговорил Кирик и дернул дверь контейнера. Та плавно отошла в сторону, открывая взорам собравшихся картину, уместную разве что в фильмах ужасов.

– Твою-то мать! – выдохнул Санек.

– Египетская сила! – вторил ему Доброхот.

– Ну ни хрена себе! Вот вам и корова! – подвел черту Мальчик. – Эх, сидеть мне не пересидеть!

Зрелище, представшее бригаде Кирика, оказалось и правда не для слабонервных. В центре полупустого контейнера, заваленного по краям домашним скарбом вроде допотопных столов и комодов, стояла ножная швейная машинка фирмы «Зингер». Возле нее, запутавшись волосами в колесе ножного привода, лежала молодая женщина. По странной иронии судьбы, лицо ее хранило безмятежность, тогда как все тело раздулось до невероятных размеров, а кожа, по всей видимости, кое-где уже начала лопаться, изливая на дощатый пол контейнера зловонную жижу. Рой зеленых мух, потревоженный внезапным вторжением людей, взвился к потолку, не оставляя сомнений в том, что женщина мертва.

– Суши весла, отстрелялись, – прервал тягостное молчание Дядько Кирик и добавил, ни к кому не обращаясь: – Трындец нам, на этот раз точно все по этапу пойдем.

«Пежо» полковника полиции Льва Гурова пробиралось сквозь плотный ряд московских пробок, прокладывая путь до Ярославского вокзала. Автомобили выстроились в четыре ряда и двигались черепашьям шагом, не оставляя ни малейшего шанса на маневры. Напарник Гурова, полковник Стас Крячко, развалился на заднем сиденье и беззастенчиво храпел. Будь на то воля Гурова, он ни за что не выбрался бы на оживленную трассу в час, когда уставшие после долгого рабочего дня москвичи общей массой пытаются добраться до дома. Он бы выждал пару часов, все равно в итоге добраться до вокзала удастся лишь к десяти, так хоть в пробках торчать не пришлось бы. Но нет, генерал Орлов, заправляющий уголовным розыском на Петровке, сегодня оказался в ударе. Он не пожелал слушать доводы Гурова насчет пустой траты времени и нецелесообразности спешки, не проявил сочувствия и понимания, а грозно сдвинув брови, хлопнул ладонью по столу и отдал четкий приказ: немедленно начать расследование. Расследование! Громко сказано, особенно с учетом исходных данных. А как приказа ослушаешься? Это в неформальной обстановке генерал Орлов для Гурова и Крячко закадычный друг Петька, а на службе – товарищ генерал, в лучшем случае – Петр Николаевич. Погоны – дело серьезное, а если они на порядок круче твоих, то тут уж не до пререканий.

Да Гуров и не особо рвался пререкаться. Дело, ради которого Орлов вызвал их в свой кабинет буквально на последней минуте рабочего дня, к спорам не располагало. Проблема возникла у коллег из Владивостока, но косвенно касалась и столичных правоохранителей. По сути, «косяк» шел из Москвы, это понимали как сотрудники уголовной полиции Приморского края, так и здешние полицейские чины. Возраст проблемы только усугублял положение, а тот факт, что начальником управления МВД по Приморскому краю служил бывший однокурсник генерала Орлова, с которым тот до сих пор поддерживал связь, оказался решающим, когда пришло время определяться, кому поручить работу в тандеме со следователем из Владивостока.

Все, что на данный момент было известно полковникам, укладывалось в три короткие фразы. Генерал Орлов не озаботился тем, чтобы представить полный отчет по ситуации. Справедливости ради нужно отметить, что на тот момент он и сам подробностями дела не располагал. В грузовом контейнере обнаружен труп молодой женщины. Ни документов, ни личных вещей при убитой не оказалось. Известно только, что на момент смерти женщина была на шестом месяце беременности. Вот и вся информация.

Семичасовая разница во времени и врожденное чувство такта не позволили генералу Орлову побеспокоить друга в час ночи. Следователь же, капитан полиции Дмитрий Суровцев, которого высокое московское начальство перенаправило в отдел, подведомственный генералу, ничего вразумительного сообщить не смог. То ли погон генеральских засмутился, то ли просто особого рвения к работе не проявлял, но разговора с ним у Орлова не получилось. Оставалось надеяться, что к утру капитан Суровцев соберется с мыслями и представит подробный письменный отчет, как и обещал в разговоре. Конечно, Гуров предпочел бы пообщаться с Суров-

цевым лично, и сделать это, по его мнению, требовалось прежде, чем предпринимать какие бы то ни было шаги, но к тому времени, когда во Владивостоке начнется официальный рабочий день, в Москве наступит глубокая ночь, а терять семь часов драгоценного времени генерал своим подчиненным категорически запретил.

Вот и тащился автомобиль Гурова по пыльной автодороге в час пик, медленно, но верно приближаясь к Ярославскому вокзалу с неопределенной целью и единственной зацепкой в виде документации по отгрузке грузового контейнера, в одночасье превратившейся из банальной бюрократической бумажонки в наиценнейшую улику. Еще сидя в кабинете Орлова, Гуров поинтересовался, почему приморские следики попросту не обратились с запросом к руководству железной дороги? Получить интересующую информацию из первых рук – чем плоха идея? То, что сейчас предстояло выяснить полковнику, запросто можно было сделать и дистанционно.

На это заявление Орлов никак не отреагировал. Проигнорировал слова Гурова, и все тут, будто и не было вопроса. Поняв, что вступать в дискуссию насчет продуктивности деятельности приморской полиции Орлов не в настроении, больше этот вопрос Лев не поднимал. Не сделали запрос и не сделали. Может, посчитали, что прямой контакт в этом случае более целесообразен. А ведь все, что он собирался сделать, – это ознакомиться с документацией по интересующему контейнеру.

Лев не особо четко представлял себе, каким образом все устроено на железной дороге, но полагал, что каждый контейнер имеет целый ряд документов. По логике вещей, в сопроводительных документах должны указывать все, начиная с фамилии отправителя и его паспортных данных и заканчивая именем получателя, включая и адрес доставки. Та же самая документация, по идее, должна была прибыть вместе с контейнером во Владивосток. Так полагал Гуров.

От раздражающих мыслей его отвлек громкий вопль. За мгновение до этого Крячко заворочался на заднем сиденье, затем резко подскочил, ударившись при этом головой о заднюю стойку «Пежо», открыл глаза и чертыхнулся.

– Что, Илья Муромец, силушка богатырская спать не дает? – усмехнувшись, проговорил Лев.

– Угадал, полковник, она самая. Так и прет из всех пор, – поддержал шутку Стас.

– А может, приснилось что? – продолжал Лев, которому до смерти надоел однообразный пейзаж за окном, состоящий из пыльных автомашин и усталых лиц водителей. – Может, на бой тебя кто вызвал, а ты продул, вот и раскричался от разочарования?

– Не, я не продул. И крик этот чистую победу означает, – хохотнул Крячко. – Считай, идолище поганое я одолел. Наслаждайся свободой, дружище.

Последние слова пришлись как раз на тот момент, когда добрались до перекрестка, после которого тягостная пробка закончила свое существование и автомобиль резко набрал скорость. Совпадение рассмешило обоих. Пару минут в салоне стоял бодрый смех.

– Как думаешь, кокнули девчонку или она сама себя к такой жуткой смерти приговорила? – задал вопрос Крячко после того, как смех утих.

– Пока рано делать предположения. Пообщаемся со следователем, тогда и начнем предполагать, – ответил Гуров.

– А я вот думаю, что сама она. Ее ведь не силком в контейнер загрузили, верно? Руки-ноги ей не связывали, иначе об этом следак в первую очередь доложил бы.

– Так Орлов ведь сказал, что ничего путного от следователя не добился, – напомнил Лев.

– И что с того? О признаках насильственной смерти он бы точно сказал. А так, сам не знает, о чем докладывать, вот и осторожничает. Это для нас с тобой общение с генералом с Петровки дело рутинное, а для районного следака – целое событие.

– Будто во Владике своих генералов мало. Не думаю, что такое неординарное дело желторотому юнцу поручили бы. А раз не юнец, то и с генералами общаться ему не впервой, – заметил Гуров.

– Ты хоть одну причину можешь назвать, по которой человек добровольно в контейнер полезет? Если, конечно, суицид не задумала, – задал новый вопрос Крячко. – Нет, Лева, говорю тебе, баба эта заранее все спланировала. И рейс дальний выбрала специально, чтобы пути к отступлению не было.

– Слушай, Андерсен, придержал бы ты язык. Сказки без тебя есть кому писать, – нахмурился Лев. – Если помнишь, женщина в положении была. Прояви хоть каплю сочувствия. Не будь монстром.

– Нормально! Она ребятенка своего убила, а монстр я? – возмутился Стас.

– Закрыли тему! – В голосе Гурова проскользнули металлические нотки, и Крячко предпочел заткнуться.

До вокзала доехали молча. Каждый думал о своем, но мысли обоих работали в одном направлении. Перед глазами невольно вставала картина, на которой молодая женщина с обозначившимся животом лежит на полу в глухом металлическом ящике. Гурову она виделась миловидной девушкой с печальным лицом. Крячко же видел опустившуюся особу, пропитую донельзя, с неприличными наколками на груди и ягодицах. А как иначе он мог представить себе бабу, которая полезет в железный ящик, будучи беременной? Не иначе, сектантка какая-нибудь или из наркош. Те за деньги и не на такое пойдут.

«Кстати, хорошая идея, – размышлял он про себя. – Не забыть бы поинтересоваться, что показал тест на наркотики». К тому моменту, когда оба полковника входили в кабинет станционного начальства, Крячко окончательно уверился в том, что отправителем контейнера окажется та самая женщина, что лежала сейчас в морге Владивостока. Почему нет? Сама себе дорогу оплатила, сама в контейнер влезла. Он уже представлял, каким быстрым окажется расследование. Получили паспортные данные отправителя, сгоняли на адрес, сверили приметы, и дело закрыто.

Но сбыться надеждам Стаса оказалось не суждено. Начальник вокзала, солидный мужчина лет пятидесяти, представился полковникам Алексеем Александровичем и даже предложил чувствовать себя в его кабинете как дома. Официальных бумаг он не затребовал, что было весьма кстати, так как вооружиться запросом прокуратуры у Гурова попросту не было времени. Алексей Александрович выслушал просьбу полковника и сразу же полез в компьютерные программы, в которых фиксировалась вся информация по отгрузке составов дальнего следования. Перепоручать задание подчиненным не стал, предпочел заняться этим лично. И вот спустя каких-то пять минут загудел принтер, сообщая о том, что сбор информации завершен. Опередив Гурова, Крячко выхватил листы из кюветы принтера и начал бегло просматривать.

– Позвольте мне, – мягко, но настойчиво забрал исписанные листы из рук Стаса начальник вокзала. – Уверен, с моими комментариями будет куда проще.

Стас не возражал. Он отступил к окну, устроился на подоконнике, заняв излюбленную позу, и приготовился слушать. Алексей Александрович немного помедлил, собираясь с мыслями, решая, с чего лучше начать. Затем отобрал из распечатанной папки несколько листов и, выложив их перед Гуровым, медленно протянул.

– Ситуация, прямо скажем, неприятная. Лично для меня неприятная.

– Лично для вас? – удивился Лев. С чего бы станционному начальству париться из-за каждого промаха подчиненных? – Разве за содержимое контейнеров ответственность несете вы?

– В той или иной степени. Но здесь причины другого характера. Мало того что погибшая девушка выехала с моей станции, так еще и отправитель является моим подчиненным. Вернее, подчиненной, – пояснил Алексей Александрович.

– Даже так? Вы знаете того, кто отправлял контейнер во Владивосток? – Крячко аж с подоконника соскочил.

– Как выяснилось, знаю, – ответил тот.

– А вот с этого места, Алексей Александрович, пожалуйста, поподробнее, – потребовал Гуров.

– В бумагах отправителем числится Тамара Живайкина, да это вы и сами видите. Чего вы не можете знать, так это то, что она же является штатным сотрудником привокзального буфета. Да, да, Тамара работает у меня уже лет этак пятнадцать, а то и больше. Сами понимаете, когда столько лет знаешь человека и вдруг выясняется такое...

– Не стоит раньше времени делать выводы, – остановил его Гуров.

– Это я понимаю, и все же ситуация не из приятных, – проговорил Алексей Александрович.

– Так давайте быстрее покончим с неопределенностью. График работы буфета круглосуточный?

– Да, буфет работает круглосуточно, а его сотрудники посменно, – подтвердил начальник вокзала. – Хотите, чтобы я выяснил, работает ли сегодня Тамара?

– И в случае положительного ответа пригласили ее сюда на беседу, – заявил Крячко. – Чем быстрее мы с ней встретимся, тем лучше. И для нас, и для вас.

Алексей Александрович потянулся к аппарату селекторной связи. Нажал какую-то клавишу. Задав пару вопросов, выяснил, что Тамара сегодня на месте, отдал распоряжение пригласить женщину в кабинет и, вернув трубку на место, взглянул на Гурова:

– Тамара сегодня без сменщицы, так что, если хотите с ней поговорить, делать это придется на месте. В буфете в это время аврал, сама Тамара рабочее место покинуть никак не сможет. Либо вам придется час ждать, пока поток не схлынет.

– Ждать мы не будем, – вместо Гурова ответил Крячко. – Ничего страшного, прогуляемся до буфета.

Возражать начальник вокзала не стал. Подсказал, где найти Тамару, проводил полковников до двери, а сам остался в кабинете. На случай, если вдруг снова понадобится правоохранителям.

Глава 2

В станционном буфете было многолюдно и шумно. У стойки собралась толпа человек в двадцать, все галдели и поторапливали буфетчицу, аргументируя свое нетерпение кто в вежливой, кто в хамоватой форме. Буфетчица, дородная женщина под пятьдесят, привычно отбивалась от нападков голодных пассажиров. Лицо ее покраснело, тугие кудри слегка растрепались, выбившись из-под нелепого ярко-алого чепца. Глаза метали молнии, а к губам приросла дежурная улыбка, никак не вяжущаяся ни с выражением глаз, ни со словами, слетающими с улыбающихся губ.

– Гражданочка, нельзя ли побыстрее? Мой поезд стоит на станции всего сорок минут. По вашему, я могу успеть проглотить свой бифштекс за пару секунд и при этом получить гастрономическое удовлетворение? – постукивая ладонью по деревянной столешнице, гундосил долговязый мужчина интеллигентного вида.

– О, я вас умоляю, сорок минут на станции – это почти вечность! – Быстрый взгляд буфетчицы прошелся по внешности долговязого. – А каков на вкус общепитовский бифштекс, вам наверняка рассказывать не нужно. Сколько вы их за свою жизнь съели? Вот и представляйте себе, чтобы время зря не тратить. Удовлетворитесь на ура.

– Эй ты, мадама, мой гамбургер из Магадана пешком добирается? Я возле твоей стойки два часа торчу! – Ладонь здоровенного бритоголового мужика, размером с экскаваторный ковш, с шумом опустилась на стойку.

– Сигнал микроволновки слышал? Вот и я не слышала. Жди, как звонок услышишь, так и хавка готова. – Перед ладонями-экскаваторами, сплошь покрытыми воровскими наколками, буфетчица благоговения явно не испытывала.

– Щас ты у меня звонка ждать будешь, – огрызнулся амбал, но как-то беззлобно, почти любовно. Бойкость буфетчицы ему импонировала.

– Послушайте, вы ведь однозначно не справляетесь. Может, позовете кого-то в помощь? – подала голос симпатичная девица лет двадцати с небольшим, стоящая в очереди чуть ли не последней.

– Отличная мысль! – радостно подхватила буфетчица. – Может, ты мне поможешь, милая? Руки у тебя, сразу видно, сноровистые. Запрыгивай за стойку, и погнали. Вместе мы эту ораву за секунду обслужим.

Очередь одобрительно загудела, кое-где раздались смешки. Девушка зарделась, но с места не сдвинулась.

– Гражданочка, да вы хамите! – возмутилась дама представительного вида. – До вас что, европейские стандарты обслуживания не дошли?

– О, так вы любительница европейского сервиса? – хохотнул мужик в наколках. – Тогда вам не в буфет, вам в спа-салон прямая дорога. Там и бабки другие за их сервис, и удовольствие покруче, чем от беляшей с котятами.

Остановившись поодаль, полковники наблюдали за этой сценой. Брови Гурова сошлись на переносице. Он понимал, что в такой обстановке ни о каком серьезном разговоре не может быть и речи. Но Крячко не унывал. Ему, похоже, местная атмосфера пришлась по душе. Он наслаждался давно забытой совдеповской перебранкой. Бросив взгляд на напарника, Стас усмехнулся:

– Предоставь это мне, – и, шустро пробившись сквозь очередь, подозвал жестом буфетчицу и что-то шепнул ей на ухо.

Она сверкнула глазами, развернулась вполоборота к дверям подсобки и зычным голосом крикнула:

– Наталья, подмени-ка меня!

– Ты только с перерыва, – отозвалась невидимая Наталья. – Хорош наглеть, Тамара.

– Мне срочно. – Тамара уже стягивала с себя чепец и фартук. – Не гунди, Наталья, говорю же, надо.

Из подсобки выкатилась шарообразная фигура с заплывшими жиром глазами и недовольно поджатыми губами. Одарив Тамару сердитым взглядом, женщина приняла из ее рук чепец и фартук, нехотя натянула их на свои необъятные тела и встала за стойку. Очередь недовольно заворчала, понимая, что этот неповоротливый шар обслуживать будет еще медленнее, чем дезертировавшая с поля брани Тамара. Но под взглядом луноликой Натальи возражать никто не посмел.

Тамара обошла стойку, подхватила Крячко под руку и поволокла его в дальний угол буфета, где виднелась еще одна дверь. Тащила его Тамара шустро, Гуров едва поспевал за ними, лавируя меж любителями столовской пищи. Добравшись до двери, буфетчица резким движением толкнула ее внутрь, протасила за собой Крячко, и дверь тут же захлопнулась. «Ничего себе поворотик! – Гуров растерянно дернул дверь за ручку, но та не поддавалась. – Про меня что, забыли?» Но нет, Крячко про напарника не забыл – через минуту дверь снова открылась. Тамара высунула голову в образовавшийся проем и поинтересовалась:

– Ты, что ли, Гуров?

– Я Гуров, – все еще находясь в растерянности, ответил Лев.

– Ну, заходи тогда, – посторожилась Тамара, пропуская его в тесный и темный коридор.

Чуть поодаль стоял Крячко и улыбался. «Интересно, что он ей наплел?» – машинально подумал Лев, но до поры предпочел оставить этот вопрос без ответа. В конце концов, желаемого он добился, метод, в чем бы он ни состоял, сработал. С остальным разберутся по ходу пьесы.

Тамара шагала впереди, за ней гуськом топали Гуров и Крячко. По узкому коридору шли довольно долго. Два поворота, одна перекошенная дверь, еще один поворот и еще один узкий коридор. У металлической двери остановились. Тамара пошарила рукой по стене, отыскивала ключ и, отперев металлическую дверь, буквально втокнула Крячко внутрь. Не желая повторить «полет» напарника, Гуров поспешил проскользнуть в дверь без посторонней помощи. Оказалось, что она ведет во внутренний двор, закрытый от посторонних глаз со всех четырех сторон.

– Это наша курилка, – как бы между прочим сообщила Тамара. – Вон на ту скамейку пойдём, там нам будет удобно.

Усевшись на скамью, она достала из кармана пачку сигарет и тонкую зажигалку. Прикурив сигарету, сделала пару затяжек и только после этого снова заговорила.

– Будем о цене договариваться или без торга на мою таксу согласитесь? – профессионально пуская кольца дыма прямо в лицо Крячко, спросила буфетчица.

– Без торга неинтересно, – игнорируя взгляды Гурова, заявил Крячко. – В этом самое удовольствие.

– А тебе, красавчик, удовольствия подавай, – хохотнула Тамара. – Ладно, называй свою цену. Может, за красивые глаза маленько и сброшу.

– Ну, хватит! – резко оборвал ее Лев. – Поигрались, и будет. Не знаю, что вам сказал мой напарник, но уверен, что к истинной цели нашего визита его слова не имеют ровным счетом никакого отношения.

– Так, – недовольно поджав губы, протянула Тамара. – Та-а-ак! Развод, значит? И как это я сразу не просекла? Стареешь, Тамара Андреевна!

– Я бы не был столь категоричен на этот счет, – поспешил вклиниться Крячко. – Вы, Тамара Андреевна, женщина в самом соку, можете не сомневаться.

– Да пошел ты со своими подкатами! – чуть обиженно бросила Тамара. – Я Наташку за себя в буфете оставила, а ты мне туфту прогнал! И кто ты после этого?

– Полковник полиции Стас Крячко, – представил друга Гуров. – Московский уголовный розыск, – и сунул под нос Тамаре удостоверение.

Та внимательно рассмотрела красные «корочки», сравнила фото с оригиналом и, подболевшись, заявила:

– Меня уголовкой не напугаешь. Я закон блюду, так что убирай свою ксиву, полковник, и погонами своими не козырай. Знаешь, какие у нас в привокзальном буфете фрукты попадают? Не чета вам, полковникам. К нам и генералы заходят.

– Полиции не бойтесь, значит? Похвально, – отстраняя Гурова, проговорил Крячко. – Нас, как представителей власти, это только радует.

– Вот и порадуйся на пару со своим другом, а мне работать надо, – огрызнулась Тамара. Она встала со скамьи, нервно бросив недокуренную сигарету в урну, и собралась уходить.

– Не спешите, Тамара Андреевна, – придержал ее за руку Стас. – Признаю, способ, которым я воспользовался, не совсем честный. Но и вы меня поймите: вести серьезный разговор под бдительным оком голодных пассажиров не такая уж приятная перспектива. Особенно когда дело касается убийства.

– Ни хрена себе у тебя повороты! – возмутилась Тамара. – Сперва икру контрабандную предлагаешь, а потом эта икра в трупешник превращается? Такими темпами мы и до маньяков докатимся.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – искренне произнес Крячко. – Так что, недоразумение забыли?

– Ладно, чего уж там, – махнула она рукой. – Выкладывайте, что еще за убийство вы мне припасли?

– Да нет, мы про контейнер грузовой с вами поговорить хотели. Несколько недель назад вы отправляли его во Владивосток. Припоминаете?

– Беспамятством не страдаю, – съязвила Тамара. – Контейнер отправляла, только вам-то что за дело до него?

– Расскажите, что было в контейнере, – вступил в разговор Гуров. – Кому и с какой целью он был отправлен?

– Понятия не имею, – пожала плечами Тамара, и вид у нее при этом был совершенно безмятежный.

«Либо хорошая актриса, либо действительно не знает, что за груз шел в том контейнере», – наблюдая за реакцией буфетчицы, сделал вывод Лев. Вслух же сказал:

– Тамара Андреевна, решать, на какие вопросы отвечать, здесь будете не вы. Быть может, наше знакомство и прошло не особо в официальном ключе, но поверьте, речь идет об очень серьезных вещах. Так что советую вам быть посерьезнее и отвечать на вопросы четко и по существу. Это ясно?

– Яснее не бывает, – хмыкнула Тамара и снова полезла за сигаретами.

– Тогда, пожалуйста, расскажите все про пересылаемый контейнер, и как можно подробнее.

– Да что рассказывать? Контейнер этот вообще не мой. Кому предназначался, я уж и не помню.

– То есть как это не ваш? По документам вы числитесь отправителем, – недоуменно проговорил Крячко.

– Все так. Если по документам.

– Тамара Андреевна, начинайте уже рассказывать! – воскликнул Гуров, окончательно потеряв терпение.

– Да ладно, ладно, я и не собираюсь ничего скрывать. – Тамара пару раз затянулась и начала рассказывать свою историю.

Произошло все несколько месяцев назад, когда Тамара, возвращаясь с поздней смены, нарвалась во дворе собственного дома на шайку подвыпивших малолеток. Возвращаться домой после полуночи ей приходилось чуть ли не через день, и к этому она была привычная. Когда на такси до дома добиралась, а когда и на общественном транспорте. В целях экономии дожидалась дежурного автобуса, доезжала до нужной остановки и шла до дома пешком. Дорога пролегла через парк, затем уходила к железнодорожному мосту, после моста шел частный сектор, за ним и стояла ее многоэтажка.

От автобусной остановки до дома ей приходилось проходить не одно опасное место, так что, добравшись до собственного двора, она всегда испытывала облегчение. Вроде как уже на месте, можно неприятностей не опасаться. Но на этот раз вышло иначе. Неприятности, в виде полупьяных отмороzków, поджидали ее во дворе. Жаль, сообразила она это не сразу. Парни сидели как раз напротив ее подъезда, курили, пили пиво и громко смеялись. Девушек среди них не было, но Тамару это не насторожило. Мало ли кому из жильцов приспичило свежим воздухом подышать?

Она прошла через двор и уже подходила к подъезду, когда от группы парней отделился один и направился в ее сторону. Тамара сбавила шаг, парень, напротив, скорость прибавил. Не дойдя до нее пару шагов, он остановился и грубо произнес:

– Здорово, кошелка, как жизнь половая?

И тут Тамара испугалась. Кожа мгновенно покрылась испариной, ноги стали ватными. Мозг просто отказался работать. Она буквально застыла на месте. Парень, похоже, понял, что напугал женщину до чертиков, гаденько улыбнулся и, не поворачивая головы, крикнул друзьям:

– Братаны, да она сейчас обделается!

Его слова вызвали дружный смех. В сторону Тамары направился еще один парень. Шел он не спеша, намеренно впечатывая каждый шаг в землю, и от этого ей становилось все страшнее. Мысли неслись в голове со скоростью звука. Нет, не мысли, скорее образы, один ужаснее другого. Вот первый парень подскакивает к ней, хватая за волосы и валит на землю. К нему подтягиваются остальные. Они издают жуткие, какие-то животные звуки. Вот у кого-то в руках мелькает лезвие ножа, и от этого зрелища холодеет кровь. А второй уже стаскивает с нее ботинки. Почему именно ботинки? Разве они могут помешать совершить мерзкое дело?

– Эй, гражданка, с вами все в порядке?

Голос донесся откуда-то издалека, а вот прикосновение чужой руки к ее локтю, напротив, оказалось чересчур близким и до ужаса реальным. Это прикосновение как будто с тормоза женщину сняло. Тамара отдернула руку, развернулась на сто восемьдесят градусов и понеслась к проезжей части. «Только бы не упасть, только бы не упасть!» – мысленно заклинала Тамара. Звук шагов за собой она не слышала, но оглянуться и посмотреть, что происходит во дворе, не решалась.

Вынырнув из арки, она резко сменила направление. Взгляд ее сосредоточился на магазине круглосуточного обслуживания. Ярко освещенные витрины магазина сулили спасение. Там люди, там охрана. Там телефон, наконец. А раз есть телефон, значит, есть возможность вызвать полицию. Пусть приезжают и разбираются с теми, кто оккупировал ее двор. В конце концов, это их работа. Не за такие ли вызовы им из государственной казны деньги платят?

Уже подбегая к дверям магазина, Тамара услышала за спиной быстрые шаги. Не бег, не топот, а именно шаги. Тот, кто за ней следовал, должен был быть внушительного роста, раз сумел догнать ее, не переходя на бег. «Ну, нет! Теперь уж вам ничего не обломится, ублюдки поганые! Здесь вам меня не достать!»

– Вам больше нет нужды беспокоиться, угроза миновала.

Фраза прозвучала в тот момент, когда Тамара поднялась на крыльцо и уже готова была рвануть магазинную дверь. Голос показался знакомым, страх сменило любопытство, и Тамара

оглянулась. В трех шагах от крыльца стоял высокий мужчина. Весьма приятной внешности, гладко выбритый и подтянутый. На маньяка он не походил, а уж на отморозка и подавно.

– Что вам нужно? – голос ее предательски дрогнул.

– Сильно они вас напугали? – вместо ответа спросил незнакомец.

– Вам-то какое дело?

– Не люблю, когда женщин обижают, – просто ответил мужчина и улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной. Какой-то уютной, что ли? Тамара отпустила дверную ручку.

– Это вы их прогнали?

– Их и прогонять не пришлось. Как увидели, что вы не одна, так сами и сбежали. Видели бы вы, как они улепетывали! Смех, да и только!

– Как-то мне не до этого было, – улыбнулась и Тамара.

– Передумали?

– Насчет чего? – не поняла она, еще не до конца отойдя от испытанного ранее ужаса.

– В магазин заходить, – пояснил мужчина. – Вы ведь не за шоколадкой туда собирались, верно?

– Думаете, они совсем ушли? – с надеждой в голосе спросила Тамара.

– Пойдемте, проверим, – предложил незнакомец.

– Хотите меня проводить?

– Теперь-то уж точно. А то еще в какую-нибудь беду попадете, а мне потом переживай.

– Скажете тоже, переживай. Разве в наши дни за незнакомых людей переживают?

– Я переживаю. Спускайтесь с крыльца, время позднее. Вас уже, наверное, дома заждались.

– Вот чего нет, того нет. Я одна живу.

Тамара спустилась с крыльца. Незнакомец подстроился под ее шаг, и вместе они направились во двор многоэтажки. У подъезда действительно было пусто. Мужчина довел ее до дома, поднялся с ней на лифте и уехал только тогда, когда за женщиной захлопнулась входная дверь. И только тогда Тамара сообразила, что даже имени спасителя не спросила. «Вот идиотка! – корила она себя, сбрасывая одежду на пол ванной комнаты. – Он тебя от отморозков отбил, можно сказать, от смерти спас, а ты его даже на чай не пригласила. Хороша, мать, ничего не скажешь». Выскакивать во двор, пытаясь исправить ситуацию, Тамара не стала. Приняла душ, выпила рюмочку коньяка, чтобы снять стресс, и легла спать. Засыпая, она думала, что на этом ее знакомство с приятным мужчиной и закончится.

Но спустя месяц он появился в станционном буфете. Зашел и как ни в чем не бывало заказал два гамбургера навынос. Поздороваться поздоровался, но о происшествии не вспомнил, и вообще никак не обозначил, что помнит о ночном инциденте. А у Тамары в тот момент аврал случился, целая орава с узбекистанского поезда завалилась. Только успевай поворачиваться, не до разговоров. Гамбургеры сделала, в бумажный пакет сложила и отдала незнакомцу. Правда, денег не взяла. Отмахнулась, пробормотав что-то вроде «за счет заведения», и на других покупателей переключилась.

Незнакомец приходил еще раза два, может, три. И всякий раз так получалось, что Тамара никак не могла с рабочего места отлучиться. А чуть больше месяца назад он пришел в час затишья. Подошел к стойке и спросил, не могла бы она уделить ему несколько минут? Несколько минут? Да она всю свою жизнь ему посвятила бы, если бы он попросил! Сели за дальний столик, Тамара принесла кофе и пончики. Незнакомец благодарно улыбнулся, отхлебнул глоток и задушевным голосом объявил, что ему, мол, очень нужна Тамарина помощь.

Суть просьбы заключалась в следующем: одной из его знакомых нужно переправить пожитки из Москвы во Владивосток. Сделать это надо срочно, а если идти официальным путем, времени займет слишком много. И выложил душеспитательную историю про то, как эта самая знакомая в спешном порядке вынуждена была бежать на другой конец страны от тирана-

мужа. Убегала так, что на новом месте у нее ни кровати, ни подушки теперь нет. А он, мол, помочь женщине хочет. Переправить кое-какую мебель и предметы быта. На первое время, как он выразился.

Тамара сразу согласилась помочь. Подумаешь, разок к начальству сходить, насчет контейнера договориться. Невелика проблема. Сходила, договорилась. Контейнер на адрес, который незнакомец оставил, выписала. Дату погрузки назначила. С мужиками, которые товарняк собирают, проблему перетерла, вот и вся помощь. Когда время пришло, бумаги подписала, и на этом ее миссия закончилась. Состав ушел, мужчина больше не появлялся. Тамара и не ждала. Свой долг она ему вроде как отдала, чего еще?

Выслушав рассказ буфетчицы, Гуров и Крячко задали несколько вопросов, которые сами собой на язык просились. Например, каким именем представился незнакомец? По опыту они знали, что имя преступник может назвать и настоящее. Фамилию выдумает, а вот с именем еще подумает. Имя – величина нейтральная, изменять его особой нужды нет, зато путаться не придется. Но оказалось, что Тамара имени незнакомца не знает. Он так и не представился, а она не спросила. Незнакомец вообще о себе ничего Тамаре не рассказал. Ни где работает, ни чем по жизни занимается. Так уж вышло.

Адрес погрузки был указан в документах, так что Тамаре и этого вспоминать не пришлось. Договорились, что утром она придет на Петровку, составить фоторобот незнакомца. Больше Тамара помочь операм ничем не могла, и они проводили ее обратно до буфета. Рассказ ее ни у Гурова, ни у Крячко сомнений не вызвал, да и саму Тамару подозрительной особой никто из них не посчитал. Решили пока побеседовать с ребятами, которые контейнер принимали, а затем отработать адрес погрузки.

Им повезло, большая часть бригады оказалась на смене во главе с бригадиром. Нашли их в курилке, застав как раз во время короткого перерыва. Бригадир, Леха Сухов, по прозвищу Сухой, сразу вспомнил интересующий полковников заказ. С Тамарой он общался лично, поэтому и в бумажки заглядывать не пришлось. На адрес контейнер возили двое: водитель и экспедитор. Про погрузку рассказывали охотно, несмотря на то, что причины такого пристального внимания к контейнеру Тамары им никто не объяснял.

К дому по улице Шелковичной подъехали в районе двенадцати дня, то же самое время было зафиксировано и в сопроводительных документах. Дом этот – обычная общага при каком-то учебном заведении. Грузчиков с контейнером не нанимали, но это была обычная практика. Дешевле нанять людей со стороны, если не слишком о сохранности груза беспокоиться. В этом случае грузили так называемые гастарбайтеры, представители союзной республики Таджикистан. На русском из четверых изъяснялся только один. Экспедитор объяснил ему общие правила погрузки и на этом умыл руки. Таджики работали споро, из чего экспедитор сделал вывод, что по оплате они с Тамарой договорились на фиксированную сумму, а не на почасовую оплату.

На погрузку времени ушло совсем ничего, какой-то час. Что таскали? Да хлам всякий. Старые шкафы, комоды, потрескавшиеся стулья и тряпичные мешки, набитые под завязку. Весь процесс погрузки ни водитель, ни экспедитор не отслеживали. Решили воспользоваться халявным временем и перекусить в ближайшей забегаловке. Когда покончили с обедом, таджики уже свалили, даже приемки не дождались. Экспедитор заглянул внутрь, проверил, все ли предметы закреплены. Кое-что переставил, чтобы по дороге не попортилось, – все-таки свой человек отправляет. Закрыв контейнер, установил временную пломбу. Появления Тамары не ждали. Знали, что буфетчица на смене. Подумали, что работа на доверии в этом случае вполне уместна. По дороге к вокзалу нигде не останавливались.

После того как привезли контейнер на вокзал, забежали в буфет за подписью. Сдали контейнер вместе с документами бригаде Дядько Кирика, который должен был сдать груз во Владивостоке, и на этом все закончилось. Тамара никаких вопросов не задавала, Дядько Кирик

тоже. Он и контейнер не проверял, и все по той же причине. Тамару на вокзале знали все. Экспедитор только имя буфетчицы упомянул, у Кирика вопросы и отпали. На вопрос, часто ли контейнеры без дополнительной проверки уходят, бригадир ответил уклончиво. Случается, но только если заказчик свой человек.

Гуров его заявлению не поверил. И по тону, и по выражению лица было понятно, что этой частью инструкции здесь явно пренебрегают. Но правды требовать не стал. Зачем? Все равно признанием уже ничего не изменить. Попрощавшись с бригадой Сухого, вернулись к машине.

– Собираешься сейчас в общагу ехать? – спросил Крячко, бросая взгляд на часы.

– Поздновато, конечно, но зато всех на месте застанем, – после минутного раздумья ответил Гуров. – Утром приедем – никого не застанем. Ночная поездка должна оказаться продуктивнее.

Вздыхая и бурча что-то себе под нос, Стас полез на заднее сиденье, решив, что раз уж он вынужден терпеть это бесполезное ночное катание, так хоть часть времени потратит на сон. Не успел Гуров тронуться, а Крячко уже захрапел. «Чистая совесть – залог безмятежного сна», – усмехнувшись, подумал Лев. До Шелковичной предстояло ехать больше часа, так что против спящего напарника он не возражал. Все лучше, чем выслушивать его нытье по поводу бесперспективного расследования.

А расследование Гурову и правда виделось бесперспективным. Какой-то неизвестный обратился с просьбой к сотруднице железной дороги, и та, не ожидая подвоха, просьбу его выполнила. Да и как при таких обстоятельствах откажешь? Гуров полагал, что этот самый незнакомец окажется ключевым звеном в расследовании. Жаль, что сейчас он больше походил на фантом – ни имени, ни адреса. Вполне вероятно, что та встреча Тамары с пьяными парнями была подстроена намеренно. А это значит, что смерть девушки из контейнера была спланирована заранее. Возможно, еще до того, как та забеременела.

Оформившаяся мысль ужасала. Кто в здравом уме будет такое планировать? Чего ради этот холеный, по словам Тамары, интеллигентного вида мужчина придумал для молодой женщины подобную кончину? Гуров и раньше не рассматривал возможность суицида со стороны девушки, а в свете открывшихся фактов не поверил бы в это, даже если бы при погибшей обнаружили видеозапись с признанием. Цену таким видеозаписям Лев знал не понаслышке. Сколько расследований вставало в тупик, а то и вовсе отправлялось в архив только потому, что у защиты находилась такая вот запись. Нет, на этот раз самоубийством здесь и не пахнет. Чистой воды убийство. Четко спланированное, циничное и жестокое.

«Где искать этого холеного мужика? – размышлял Гуров. – В общежитии он наверняка не живет. Слишком глупо отправлять жертву из собственного дома. В лучшем случае нам удастся обнаружить его связи. Друзей или сослуживцев. Если повезет, от этого уже можно будет плясать. А если нет? Тогда совсем паршиво. Может, приморским следакам повезет больше, они возьмут получателя и раскроют дело без нашей помощи».

Но рассчитывать на это не стоило. У приморских несколько часов форы было, и все же они обратились за помощью к москвичам. Значит, и у них дело дрянь. А раз так, повозиться придется основательно. Отморозка, устроившего экзекуцию беременной женщине, безнаказанным оставлять нельзя. Не в правилах полковника Гурова уступать преступникам. Наверняка этот хлыщ считает себя самым умным. Вон какой план разработал: нашел буфетчицу, которая для всех сотрудников вокзала свой человек, узнал, где та живет, придумал план ее спасения, чтобы та без вопросов его просьбу выполнила. Каким образом он сумел поместить жертву в контейнер, было пока не понятно. Скорее всего, в тот самый момент, когда таджики работу закончили, а сопровождающие контейнер не вернулись. Но как преступник мог рассчитывать на подобное стечение обстоятельств? Возможно, у него и на этот случай вариант имелся.

Странно другое. Зачем он вообще так заморачивался? Допустим, чем-то ему девушка не угодила и он решил от нее избавиться. Быть может, он вообще просто-напросто псих, которому доставляет удовольствие издеваться над слабым полом. Но зачем так сложно? Вывезти в лес или на пруды, утопить или задушить. Насколько Гуров разбирался в психологии маньяков, для них важен сам процесс. Видеть муки жертвы, слышать ее стоны и мольбы, наблюдать, как в глазах угасает жизнь. Здесь же ничего подобного не было. Просто запечатал девушку в металлический ящик и ручкой помахал. В чем удовольствие? В чем смысл?

«Придется пообщаться со штатным психиатром, пусть разъяснит, чего я не понимаю, – паркуя машину возле здания общежития, решил Гуров. – Может, еще чем-то поможет. Нарисует психологический портрет этого отморозка. Глядишь, и расследование быстрее пойдет».

Глава 3

Как Лев и предполагал, несмотря на поздний час, в общежитии на Шелковичной кипела жизнь. По всем этажам, от первого до пятого, сновали люди разного пола, возраста и, судя по внешнему виду, разного материального достатка. Ни вахтера, ни коменданта при входе не было. Скромный стол с пластиковым телефонным аппаратом на полированной столешнице имелся, но стул за ним пустовал. Из ближайшей к выходу комнаты гремела музыка. Звучало что-то лирическое, но с некоторым налетом современности. В проигрыш вливались металлические звуки ударных инструментов и жесткий звук электрогитары, который перекрывало сиплое хрипение вокалиста-мужчины.

Эта комната была не единственной, где сну предпочитали бодрствование под музыку. Еще по крайней мере в трех-четырех местах выше по этажам голосили певцы отечественной и зарубежной эстрады. Жильцам общежития музыка, похоже, не мешала, на нее попросту никто внимания не обращал. Комната отправителя по документам значилась как пятьсот пятый номер. Предположив, что нумерация отображает номер этажа и собственно комнаты, полковники стали подниматься наверх. Из любопытства Крячко заглядывал на каждый из этажей и везде видел одну и ту же картину: двери комнат постоянно открывались и закрывались. Кто-то заходил, кто-то выходил, кто-то бодрым шагом шагал к кухне, кто-то, шаркая стоптанными тапками, плелся до санузла. Чем выше поднимались полковники, тем больше убеждались, что в общежитии вообще никто не спит.

На пятом этаже картина не изменилась, скорее приняла более глобальный масштаб. Помещение кухни было ярко освещено, там суетились с десятков девушек и парней студенческого возраста. В коридоре выстроились очереди из желающих попасть в туалетную комнату и душевую. Остальные двигались в разных направлениях, что создавало впечатление, будто стоишь на оживленном перекрестке в час пик.

Полковники прошли этаж из конца в конец, но комнаты с нужным номером не обнаружили. Все, что им удалось понять, это то, что нумерация ни к порядковому номеру этажа, ни к количеству имеющихся комнат отношения не имеет. На пятом этаже располагались комнаты от восьмидесяти первой до сотой. Но и этот порядок являлся относительным. Например, у душевой комнаты Гуров вдруг обнаружил дверь под номером триста девяносто шесть. Откуда взялся этот номер, если перед ней шла девяностая комната, а за ней девяносто первая?

Скоро напарники сообразили, что без посторонней помощи им не обойтись. Тогда Крячко выцепил из постоянно перемещающейся массы людей парня лет двадцати, подтянул его ближе к лестничному пролету и задал сразу два вопроса: на каком этаже находится комната номер пятьсот пять и где найти коменданта? На первый вопрос парень только тупо вытаращил глаза и неопределенно пожал плечами. На второй дал более вразумительный ответ. Оказалось, что комендант живет тут же, в общежитии, на третьем этаже. Номера у его апартаментов не было, зато имелась табличка с надписью «Администрация». По ней и следовало искать ответственного за все это безобразие.

– Послушай, у вас тут что, никогда не спят? – не удержался от вопроса Крячко.

– Почему не спят? Кому надо, и сейчас дрыхнет, – сообщил парень.

– Да мы по всем этажам прошли, и везде вот такая картина, – махнул рукой Стас в сторону коридора.

– Ах, это? Так сегодня же ежегодный фестиваль, – заявил парень, будто его слова сами собой все объясняли.

– И кто же фестивалит? – невольно улыбнулся Стас, вспомнив свои студенческие годы.

– Да все. Московские группы, само собой. Но и иногородних много. Из Питера приехали, из Екатеринбурга, из Читы. Астраханские еще не подтянулись, но обязательно будут, – начал

перечислять парень, и тут до него дошло, что стоящие перед ним мужчины могут быть не в курсе местных традиций. – Так вы не на фестиваль? Вы, вообще-то, о нем слышали?

– Не довелось, дружище, – скорбно сообщил Крячко.

– Да ладно! Ну, считайте, вам повезло. Тут сегодня такой треш будет, до самой смерти не забудете! – воодушевился парень. – Можно сказать, выигрышный лотерейный билет вытянули. Сегодня ведь сам Тремач свои лоу-фай биты жечь будет.

– Лоу что? – машинально переспросил Гуров.

– Да ладно! – Теперь парень смотрел на полковников, как на древних ископаемых или на окончательно деградировавших недоумков. – Вы что, про стиль лоу-фай не слышали? Вы вообще в России живете?

– Ты давай с выражениями полегче, – предупреждающе повысил голос Крячко. – Все ваши стили изучать – мозг сломаешь. Рассказывай, что за дребедень вы тут собираетесь слушать?

– Это никакая не дребедень. Это стиль студентов. В интернете зауглите, там так и пишут: музыка для студентов. Релакс такой, стримы крутят с затертой музыкой, вроде как плохого качества она, мозг не перегружает и от «домашки» не отвлекает. Прикольная вещь, между прочим, – начал защищаться парень.

– И ваш комендант не против, что вы тут фестивалите?

– А чего ему возмущаться? Свою долю прибыли он авансом получил. Сейчас наверняка уже под кайфом.

– Он что, наркоман? – спросил Гуров и мысленно простонал. Только этого не хватало, чтобы комендант наркошей оказался.

– Нет, у него свой кайф, спайсы или соли его не втыкают, – со знанием дела объяснил парнишка, – он портвешок уважает. Знаете, что это?

– Ты уж нас совсем за дебилов держишь, – усмехнулся Крячко. – Ладно, не бузите тут сильно. Приду проверю.

– Да мы легонько. – Парнишка облегченно выдохнул, решив, что незнакомцы его отпускают. – Сами заходите. Начало минут через сорок, вам понравится.

Он развернулся, собираясь уходить, но Стас ухватил его за капюшон и потянул назад:

– Постой, дружище, еще один вопросик к тебе будет. Ответишь честно, и разбежимся.

– Какой еще вопрос?

– С месяц назад у вас тут переезд был, помнишь?

– Это с первого этажа, что ли? Помню. К ним контейнер с вокзала приходил, прикольный такой. Мы с парнями из сортира смотрели, как «джамшуты» его загружали.

– Да ладно! Видели, как грузили?

– Ну да. Они быстро работали, первый этаж все-таки, по этажам скакать не нужно. Можно было бы с окна выкидывать, да там решетки. Все равно прикольно смотреть.

– И в чем прикол? – уточнил Гуров.

– Да как они вещи прям кучей в контейнер сбрасывали, а потом трамбовали по углам. Умора!

– Как контейнер уходил, тоже видели?

– Не, – протянул парень. – Мы минут десять в сортире пробыли, потом Цопику маманя на мобилу звякнула, ну, мы обратно к нему в комнату и пошли, порядок наводить. Маманя с проверкой нагрянуть грозилась, типа, значит, как ее сынуля живет и сколько грязи в комнате накопил. Когда такая засада, мы своих не бросаем.

– Хозяина барахла знаешь?

– Откуда? Он ведь не из студентов. Так, приживалец Тихонин.

– Что значит приживалец и кто такой Тихоня? – Гуров пытался выудить из парнишки всю возможную информацию.

– Тихоня – это наш комендант, а приживальцы – это те, кого он на постой пускает, когда комнаты раньше конца учебного года освобождаются. Ну, там, отчислят кого-то или самому учиться надоест, он и свалит. А иногда в складчину квартиру начинают снимать и комнату освобождают. А вы чего все выпрашиваете? – спохватился парнишка. – Из полиции, что ли?

– Угадал, дружок, из полиции, – ответил Крячко и развеселился, увидев, как побледнел парнишка.

– Вот засада! Чего же сразу не сказали? Я тут вам про спайсы и про нелегалов леплю. Хоть бы предупредили! Не по-пацански это.

– А мы с тобой в пацанчиков-приятелей играть и не собирались, – усмехнулся Стас. – Ты в какой комнате живешь?

– Что случилось-то? Приживалец Тихонин обделался? – Теперь парнишке до смерти захотелось узнать, чего ради к ним в общагу пришли полицейские.

– Тайна следствия, – напустив на себя строгий вид, заявил Крячко. – Координаты свои оставь, могут понадобиться.

– Какие координаты? – не понял парнишка. – Мобильный, что ли?

– И мобильный, и имя с фамилией, и номер комнаты.

Парнишка выдал информацию о себе и скореньким шагом направился к группе сверстников.

– Эй, Райчиков! – окликнул его Стас. – Смотри, дружкам своим не трепись. Помни про тайну!

– Да понял я, понял! – прокричал в ответ парнишка, но оба, и Гуров и Крячко, точно знали, что не успеют они спуститься на первый этаж, как тема беседы Райчикова с полицейскими станет достоянием общественности. Впрочем, они не возражали, так как в любом случае после знакомства с комендантом собирались начать опрос постояльцев общежития.

За то время, пока полковники вели беседу с Райчиковым, на третьем этаже стало потише. Видимо, все, кто хотел принять участие в фестивале лоу-фай-музыки, перебрались на пятый этаж, остальные же, как и положено в ночное время, улеглись спать. Комната с вычурной табличкой, на которой старославянской вязью было выведено слово «Администрация», располагалась в дальнем конце коридора. Почему комендант выбрал для проживания комнату, настолько далеко от рабочего поста, было непонятно. Более логично было бы, если бы его апартаменты располагались на первом этаже, где-то возле входа, но, как говорится, хозяин – барин.

Гуров дважды громко стукнул в дверь. Оттуда сразу же послышалось кряхтение, скрип отодвигаемой мебели и следом шарканье домашней обуви по голому полу. Шарканье прекратилось возле порога, но дверь не открылась. И голоса никто не подал. Гуров и Крячко переглянулись, и Лев снова постучал. Шарканье возобновилось, но на этот раз в обратном направлении.

– Он что, уходит? – возмутился Крячко. – Похоже, тот еще типок.

– Надо было спросить, как его настоящее имя, – покачал головой Гуров. – Как теперь к нему обращаться?

– Да не проблема, – подмигнул Стас и вышел вперед. Поскреб ногтем дверную краску и негромко произнес: – Похоже, нет Тихони. Пойдем на кухню, там у кого-нибудь стаканы стрельнем, не пропадать же портвейну?

Эти слова возымели поистине волшебное действие. Шарканье вернулось, а через секунду взорам напарников предстал и сам хозяин общежития. Внешне на алкоголика или запойного пьяницу он совершенно не походил. Скорее на слегка замызганного профессора-интеллекта. Высокий, седоватый, с аккуратной челкой и подстриженной бородкой. В классическом костюме синего цвета, хоть и помятом, но без засаленных следов на рукавах и локтях. Рубашка заправлена в брюки, которые держит ремень из натуральной кожи. Вид портили

только тапочки. С отрезанными задниками, грязно-лилового цвета, с жирными следами на носках, они никак не вписывались в общую картину.

Потаенную страсть к спиртному в коменданте выдавали глаза. Уголки прищуренных век слезились, заставляя мужчину производить навязчивое движение кончиками пальцев от виска к носу, собирая неестественно обильную влагу. Свежий алкогольный запах говорил о том, что Райчиков в своих прогнозах не ошибся. Авансовый платеж за разрешение на проведение фестиваля комендант оставил в винном магазине, а то, что там приобрел, успел употребить. Сфокусировав пьяненький взгляд на пустых руках гостей, он разочарованно протянул:

– А где портвейн?

– Полагаю, вот здесь, – бодро проговорил Крячко, тыкая коменданта пальцем в пузо.

– Не понял, – раздраженно оттолкнул тот руку Стаса. – Вы, собственно, кто?

– Давай-ка внутрь, там и познакомимся. – Крячко начал теснить коменданта, вынуждая его вернуться в комнату. – Заодно и проверим, весь ли портвейн вы, гражданин, употребили.

– Между прочим, мой рабочий день закончился, – неуверенно произнес комендант, вынужденный подчиниться незнакомцу. – То, чем я занимаюсь в свободное от работы время, никого не касается.

– Согласен, – кивнул Стас. – То, чем занимаетесь вы, переступая порог своей комнаты, совершенно нас не касается, а вот знаете ли вы, чем занимаются ваши подопечные, пока вы приятно проводите время в компании «трех семерок», это уже любопытнее.

– Каких еще «трех семерок»? – начал было комендант, но тут же осекся, когда проворные руки Крячко выудили из-за высокого кресла недопитую бутылку портвейна. – Ах, вы про это? Угощайтесь.

– Спасибо за щедрость, но нет, – усмехнулся тот, – на службе не употребляю.

– Похвальная привычка, – только и нашелся что ответить комендант.

– А теперь спросите, что за служба у меня такая, что мешает расслабиться после полуночи? – устраиваясь в кресле, предложил Стас.

– И что за служба? – послушно поинтересовался комендант.

– Наша служба и опасна, и трудна, – пропел Крячко. – Догадываетесь, из какой мы структуры?

– Полиция? Так вы из миграционной службы? Послушайте, что бы вам ни наговорили, все это происки недоброжелателей. В этом отношении у нас все чисто, никаких нелегалов, никакого криминала уже много месяцев. Раньше, не спорю, случались перегибы, но теперь...

Поняв по выражению лица Крячко, что с определением службы дал маху, комендант осекся. Он вовремя сообразил, что топит сам себя, и поспешил увести внимание незваных гостей от скользкой темы, проговорив:

– Простите, из меня плохой отгадчик. Будет лучше, если вы представитесь.

– Полковник Гуров, Московский уголовный розыск, – представился Гуров, перехватив инициативу у Крячко. – А вы – комендант этого общежития, верно?

– Да. Это я, – ответил комендант и заискивающе заулыбался. – Надеюсь, в моем общежитии вы оказались не по профессиональной надобности.

– Предъявите документы, – сухо потребовал Гуров.

Комендант бросился к платяному шкафу, открыл дверцу, порылся на верхней полке и выудил на свет кожаный кейс. Хотя тот и был основательно потертым, любой человек, мало-мальски осведомленный о фирмах, выпускающих дорогую кожгалантерейную продукцию, сразу определил бы, что стоимость кейса имеет не меньше пяти нулей. Крячко уж точно определил, он скосил глаза на напарника и многозначительно крякнул. Гуров на его выходку внимания не обратил. Мало ли откуда у человека дорогая вещь появиться может. Скорее всего, это подарок, вряд ли человек, заливающийся дешевым пойлом, станет тратить десятки тысяч

на портфель, который потом спрячет в недрах старого потрескавшегося шкафа. Он подождал, пока комендант достанет из кейса паспорт, взял его в руки и начал с суровым видом листать.

– Итак, гражданин Подольский Виктор Николаевич, вы утверждаете, что состоите на службе при государственном образовательном учреждении и являетесь заведующим общежитием, расположенным по адресу: улица Шелковичная, дом двести сорок шесть дробь одинна-дцать. При этом в ночное время не несете ответственности за то, что происходит на территории вверенного вам объекта. А между тем в вашем общежитии грубейшим образом нарушаются правила внутреннего распорядка. Данный факт зафиксирован лично мной. Не подскажите, кто несет ответственность за соблюдение правил внутреннего распорядка в период с восьми вечера до восьми утра?

Комендант растерянно заморгал. Он никак не мог понять, что именно собираются предъ-явить ему странные гости из полиции, а потому боялся сболтнуть лишнего и решил потянуть время.

– Кто несет ответственность? Вас интересует конкретное время, так?

– Так, так, не тормозите, гражданин Подольский, – играя роль злого полицейского, при-крикнул Крячко. – Что такое? Не помните должностную инструкцию? Так достаньте ее из вашего волшебного кейса и освежите в памяти.

– Конечно, помню, – даже обиделся комендант. – Я на этом месте уже двадцать лет. И между прочим, без единого серьезного происшествия.

– Ну, это уже в прошлом, – хмыкнул Стас. – После сегодняшней ночи подобной фразы вы больше сказать не сможете.

– Да что случилось? – не выдержал Подольский. – Кто-то из моих ребят попал в пере-делку? Почему уголовный розыск интересуется моими делами, можете вы объяснить?

– Объяснить можем и непременно это сделаем, – проговорил Гуров. – Но для начала нам необходимо выяснить несколько вопросов. Вопрос номер один: вам известно, что на данный момент в общежитии находится не менее двадцати человек, которые не являются студентами университета?

– Какие двадцать? – искренне возмутился Подольский. – Максимум пять!

Лев перехватил взгляд Крячко и подал знак не вмешиваться. Тот насупился – уж больно ему хотелось самому раскрутить наивного коменданта, но подчинился. Молча забрал у Подоль-ского кейс и положил его туда, где комендант никак не сможет до него дотянуться. А Гуров понял, что Подольский говорит о тех, кого Райчиков называл приживальцами, и был уверен, что, если правильно разыграть шар, Подольский сдаст им всех незаконных жильцов общежи-тия. Надеялся он и на то, что в списке фамилий будет и фамилия жильца комнаты пятьсот пять.

– Вы так уверенно называете цифру, может, и фамилии назовете? – осторожно спросил он.

Подольский скосил глаза на кейс и тут же отвел их, но Крячкохватило и этого мимолет-ного взгляда, чтобы сообразить: если у коменданта имеются какие-то записи по нелегальным жильцам, то хранит он их в этом самом кейсе. Гуров тоже это понял и решил, что нет нужды идти длинным путем, пришло время играть в открытую.

– Гражданин Подольский, нам известно, что вы пускаете на постой в общежитие людей, не имеющих никакого отношения к обучению в университете, – начал он. – Полагаю, вы ведете учет этим нелегальным жильцам. Буду говорить открыто: нас с напарником интересует жилец из комнаты пятьсот пять. Все остальное – проблемы миграционной службы, и нас они не каса-ются. Так что в ваших интересах начать сотрудничать с нами. Расскажите все, что вам известно об этом жильце, и нам не придется привлекать сотрудников миграционной службы. Я доста-точно ясно выразился?

– Так нет никакого жильца, – радостно сообщил Подольский, во взгляде его читалось облегчение. – Если хотите, можете осмотреть комнату. Она совершенно пуста.

– Это нам тоже известно, – кивнул Лев. – Месяц назад из этой комнаты вывезли все вещи, но ведь раньше там кто-то жил? Доставайте свои записи, Подольский. Не тяните время, это не в ваших интересах.

– И никакой миграционной службы? – на всякий случай поинтересовался комендант, повторно попадать под пристальное внимание федеральной службы ему совершенно не хотелось. Ради этого он готов был отдать полковнику из уголовного розыска все документы до единого, какие бы тот ни запросил.

– И никакой службы, – подтвердил Гуров.

Крячко передал Подольскому кейс. Тот порылся в его содержимом, достал пластиковую папку на кнопке, вынул оттуда потертую тетрадь и принялся листать. Листал долго. Сперва начал с середины, дошел до конца, но того, что искал, не нашел. Тогда начал с первой страницы, долистал до того места, с которого начал в первый раз, и снова ничего не нашел. В третий раз он сверялся с записями, вооружившись очками, но и это не помогло. Подольский раскраснелся, брови его нахмурились, взгляд сосредоточился на записях, но ничего не помогало.

– А записи-то и нет, – растерянно проговорил он, когда тетрадь была перелистана от начала до конца. – Совсем ни одного упоминания о пятьсот пятой.

– Смотрите лучше, – раздраженно посоветовал Крячко. Подольский вздохнул, но к тетради не притронулся.

– Говорю же, нет записей, – повторил он.

– Может, есть еще одна тетрадь? – предположил Крячко. – Или блокнот отдельный? Долго он у вас жил?

– Да не помню я! Я вообще этого жилья не помню!

– Хотите сказать, не знаете, кто вам бабки отстегивал? – разозлился Стас. – Или вы пускали его на постой из альтруистических побуждений?

– погоди, Стас, не дави, – притормозил напарника Лев. – Виктор Николаевич, давайте сейчас сядем, не спеша подумаем и все вспомним.

Подольский послушно уселся на кровать. Гуров расположился напротив на стуле. Крячко привычно занял место на подоконнике, благо в здании общежития они оказались довольно широкими. Несколько минут все трое молчали. Гуров и Крячко – чтобы не сбивать коменданта с мысли, а сам комендант – чтобы хоть как-то привести эти самые мысли в порядок. Пауза затягивалась, а Подольский все сидел, уставившись в одну точку.

– Уважаемый, вам не кажется, что спать при гостях – дурной тон? – Крячко никогда не отличался особым терпением, потому и заговорил первым. – Быть может, вы уже начнете делиться с нами своими соображениями? Кого вы пустили в комнату пятьсот пять?

– Голова не соображает, – облизнул губы Подольский, и Стас понял, что тому до смерти хочется выпить. Он взял со стола недопитую бутылку, плеснул щедрую порцию в стакан и молча протянул коменданту. Тот благодарно принял посудину. – Спасибо. Это то, что мне сейчас нужно.

Залив в себя содержимое стакана, Подольский поморщился, стянул из блюдца, стоявшего здесь же, на столе, тонкий ломтик яблока и, сунув его в рот, виновато проговорил:

– Я дико извиняюсь, но пить без закуски не приучен.

– Всегда пожалуйста, – буркнул Стас. – Надеюсь, это поможет вам ускорить мыслительный процесс.

– Сильно в этом сомневаюсь, – заявил Подольский. – Почему-то эта комната и все, что связано с постояльцем, покрыто какой-то дымкой.

– Подольский, да вы романтик, – съязвил Крячко, но коменданта его тон больше не задевал. На старые дрожжи портвейн подействовал мгновенно.

– Боюсь, я вам в этом вопросе не помощник, – объявил он, бросив делать вид, что пытается что-то вспомнить.

– Хорошо, давайте сменим тактику, – предложил более терпеливый Гуров. – Я буду задавать вопросы, а вы на них отвечать. Если ответа не знаете, просто пропускайте вопрос. Потом ответ сам всплывет.

Подольский согласился, и Гуров начал спрашивать. Кто жил в комнате: мужчина или женщина? В какое время года появился постоялец? Сколько раз успел заплатить? Каким образом расплачивался – наличными или банковской картой? Говорил ли, чем занимается, кем работает? Примерный возраст, рост и вес? Бывали ли у него гости? Дружил ли с кем-то из жильцов общежития?

Вопросы шли один за другим, и поначалу Подольскому метод Гурова даже нравился. Но по мере того как вопросы сменяли один другой, а ответов на них у коменданта так и не было, он начал впадать в отчаяние. Еще бы ему не волноваться! В случае провала полковники наверняка сдадут его миграционщикам, а те церемониться не любят. В прошлый раз замять дело ему обошлось в приличную копеечку. Пришлось даже заложить кое-что из вещей, доставшихся в наследство от брата-коммерсанта. Выкупить их обратно Подольский уже не смог, а потому сильно из-за этого расстраивался. Больше всего ему было жалко часов. Старинные напольные часы, в резной прямоугольной тумбе, они так приятно вписывались в любой интерьер! Шикарные часы! В свое время брат привез их из Чехии. Помимо финансовой ценности этот предмет был дорог Подольскому как память о брате. Потом он много дней корил себя за то, что сдал в ломбард именно часы, заранее не подумав о том, на какие шиши будет их выкупать.

Вот про часы и миграционщиков Подольский помнил все подробно, а про жильца из пятисот пятой комнаты – совершенно ничего, будь он неладен. Он не мог вспомнить день, когда тот пришел проситься на постой. Не помнил, приходил ли тот сам или попал к Подольскому по рекомендации кого-то из прежних жильцов. Пол вроде бы мужской, но и этого Подольский не мог сказать с уверенностью. Время года тоже не вспомнил. Соответственно, и остальные подробности так и не всплыли.

Когда степень отчаяния коменданта дошла до критической отметки, память сжалась над ним, и он вспомнил-таки, как получил оплату. Вернее, не то, как получил, а как обнаружил ее у себя в комнате. В то время у Подольского случился натуральный запой. Ему удалось удачно сдать сразу три комнаты, и обилие внеплановых денежных вливаний привело к тому, что он ушел в штопор. Пил беспробудно недели три, благо в это время у студентов начались каникулы, а проверками Подольского и раньше не особо напрягали.

Было это в январе, как раз после новогодних праздников. И вот в самый разгар запоя он и нашел на столе конверт с пропечатанным номером комнаты и оплатой на целых полгода вперед, то есть до июля. В том состоянии, в котором тогда находился Подольский, вопрос, кому же он сдал жилье, его не особо интересовал. Есть деньги, и ладно. После о находке он благополучно забыл, но то, что номер сдан, в памяти отпечаталось. Выйдя из запоя, Подольский несколько раз пытался познакомиться с жильцом, но застать его в комнате так и не смог. Соседей о новом жильце не расспрашивал. А зачем? Только лишнее внимание к своим делам привлекать. Студенты и так слишком много о нем болтают. Чтобы они не совали нос в его дела, коменданту приходилось идти на уступки и разрешать проводить мероприятия типа сегодняшнего фестиваля. А в остальном со студентами комендант жил мирно. Пока все оставались довольны, был доволен и Подольский.

Комнату полковникам он все же показал. Та оказалась совершенно пустой. Только мебель казенная да пыль по углам. Жилец, если он действительно здесь жил, не оставил после себя ни одного личного предмета. Отправив Подольского обратно в комнату, Гуров и Крячко прошлись по комнатам, соседствующим с пятисот пятой, по-расспрашивали студентов, но безрезультатно. То, как выносили вещи приживальца, запомнили многие, но о том, как эти вещи оказались в комнате и кто платил Тихоне за каморку в восемь квадратов, никто так и не вспомнил.

Напарники решили вернуться в общежитие с фотороботом, как только Тамара поработает на пару с художником. А пока им ничего не оставалось, как откланяться. Выезжали со двора уже около двух часов ночи. Сделав нехитрые подсчеты, Гуров решил, что самое время звонить следователю из Владивостока. Но тут забузил Крячко. Он наотрез отказался возвращаться в отдел, настаивая на том, что для одного дня они и так потрудились на славу. Хочет Гуров вести пустой разговор с Суровцевым, пусть делает это в одиночестве, а с него хватит, он едет домой – примерно так звучала тирада Крячко. Лев сжалился над другом и отвез его до самого подъезда, после чего поехал к себе домой.

Его супруга, Мария, два дня назад уехала к родственникам в Геленджик. Гурову предстояло вести холостяцкий образ жизни еще пять дней, так что поздним телефонным разговором жену он не побеспокоит, а спать, даже если тебе для отдыха осталось всего три-четыре часа, всегда лучше дома.

Глава 4

В девять часов утра в кабинете криминалистов сидели четверо: полковники Гуров и Крячко, художник и буфетчица Тамара. Женщина выглядела уставшей, что было неудивительно. Ночную смену она отстояла полностью, и сразу с вокзала на дежурном автомобиле ее доставили на Петровку. Гуров проявил заботу, предложив буфетчице чай с пирожками из местного кафетерия, на что Тамара лишь рассмеялась. Потчевать сотрудницу общепита, на ее взгляд, все равно что предлагать подвезти таксиста.

Сам Гуров позавтракал еще час назад. В Крячко взыграла совесть, и, как компенсацию за вчерашнее дезертирство, он приволок напарнику два большущих гамбургера и пакет пончиков. Выложив все это на стол, поинтересовался, удалось ли дозвониться до капитана Суровцева. Гуров томить напарника ожиданием не стал, выложив все подробности разговора.

На взгляд Гурова, Суровцев оказался вовсе не никчемным, как показалось генералу Орлову. Говорил он грамотно, ситуацию излагал четко: сначала факты, затем собственные умозаключения, которые, кстати, полковнику показались весьма разумными. Разговор длился больше часа, но благодаря этому разговору Лев получил полное представление о том, что же произошло в товарном составе поезда Москва – Владивосток, причем так, как если бы сам побывал на месте происшествия.

В общей сложности состав пробыл в пути двадцать пять полных суток. Отправления контейнер почти не ждал, спустя всего три часа после того, как его доставили на вокзал, начальник состава получил подписанный путевой лист и разрешение на отправление. Следователь добросовестно отработал этот вопрос: выяснил, что иногда контейнеры ждут отправки по несколько недель, и если начальник подвижного состава не является твоим лучшим другом, узнать дату отправления практически невозможно. Угадать – это да, но выяснить? На это ушли бы годы. Этот факт лишний раз подтверждал, что человек, отправивший во Владивосток контейнер, начиненный живым товаром, продумал все до мелочей.

Вскрытие проводил один из лучших патологоанатомов Приморского края, об этом позаботилось руководство. Результаты вскрытия следователь отправил в Москву, на словах же дал полный отчет по каждому пункту вскрытия. Удивительно, но девушка, несмотря на беременность, имела железное здоровье. Патологоанатому не удалось найти ни одного больного органа. Сердце, почки, печень, все те органы, которые во время беременности страдают в первую очередь, так как работают за двоих, до смерти работали без проблем.

Физический возраст девушки, по мнению эксперта, соответствовал двадцати трем годам, а так как документов при ней не обнаружили, то запись в личном деле сохранила эту информацию как возможную. Рост, вес, цвет волос и цвет глаз угадывать нужды не было, патологоанатому осталось всего лишь внести эти данные в карточку. Девушка умерла в результате общего истощения и обезвоживания, попросту сказать – умерла от голода и жажды. Эксперты считали, что голодала девушка не менее восьми дней, а без воды осталась за день до смерти. Ну, или чуть больше. Нехватка воды завершила дело.

Но в начале пути еда у нее была, об этом свидетельствовали пустые упаковки от продуктов, имеющих долгий срок хранения. Эксперты-криминалисты, которые проводили осмотр места происшествия, не поленились и составили полный список того, что в пути съела и выпила девушка. Получалось, что продуктовый запас у нее был весьма приличный.

Следов насилия на ее теле патологоанатомы не обнаружили. Отпечатков от веревок тоже, ни застарелых, ни свежих. Следователь пришел к выводу, что девушку не связывали, не били и вообще не применяли в отношении ее физическую силу. По всему выходило, что попала она туда добровольно. Вот только Гурова такой вывод не устраивал. Он поделился со следователем информацией по отправителю контейнера, и следователь вынужден был согласиться с мнением

полковника: каким-то образом этот мужчина уговорил беременную женщину сесть в контейнер. Физически он ее не принуждал, в этом сомнений не было, но времена, когда преступники использовали грубую физическую силу, давно прошли.

По получателю проверка все еще шла. В документах получателем контейнера числился некий Зубенко С. В. Обычно по прибытии контейнера в конечный пункт назначения получателю отправляется уведомление. Раньше для этого пользовались услугами почтового отделения, сейчас же все стало гораздо проще. Специальная программа через систему телефонии сбрасывает сообщение указанное количество раз. Чтобы получатель не пропустил сообщения, частоту устанавливают, кратную количеству световых часов.

В случае с Зубенко полагаться на интернет-оповещение не стали. Пробыли адрес, выслали наряд. И выяснили интересный факт: адресат не появлялся в квартире уже больше трех месяцев и на данный момент числился в пропавших без вести. А еще этот самый гражданин Зубенко С.В. оказался девушкой, Светланой Витальевной, веселой и жизнерадостной особой двадцати пяти лет. По возрасту Светлана была старше жертвы на год или два. Выяснил следователь и обстоятельства исчезновения Зубенко. Несколько месяцев назад девушка взяла на работе отпуск за свой счет. Планировала провести две недели на даче родителей. Выбор времени для отдыха родителей девушки удивил, но разрешение воспользоваться домиком на приусадебном участке она получила.

Девушка взяла ключи, собрала сумку и в восемь утра уехала на вокзал, отказавшись от предложения отца доставить ее до места на машине. Отказ аргументировала тем, что не хочет, чтобы отец с работы отпрашивался. Мол, прекрасно доедет и на электричке. И вроде как действительно доехала. Отписалась, что все хорошо, что она на месте, дышит воздухом, читает книги и мечтает лишь о полной изоляции. Так хочется отдохнуть от городской суеты, пустых разговоров и вообще какого бы то ни было общения. Родители поняли: дочь просит оставить ее в покое. Оставили. Набрались терпения и не звонили аж десять дней из четырнадцати, отпущенных на отпуск.

Правда, один раз в день дочь присылала сообщение. Но какое-то сухое, точно по шаблону составленное. Будто дочери вдруг нечем стало поделиться с родителями, вот она рассылку и оформила. Ровно в восемь вечера приходило сообщение. Мать девушки всякий раз порывалась позвонить, чтобы пообщаться вживую, но муж ее останавливал. Почему-то он был уверен, что на дачу дочь поехала не одна, а с ухажером. С кем еще ехать в пустующий дом в двадцать пять? Понятное дело, с кавалером. И он не хотел мешать дочери, не хотел ставить ее в неловкое положение, выставляя в глазах мужчины этакой маменькиной дочкой.

Но внезапно сообщения приходят перестали. День нет, второй. На этот раз отец сам набрал номер, но, выслушав с десятков длинных гудков, трубку бросил. Это было вечером, после того как дочь пропустила ею самой установленное время пересылки сообщений. В этот день больше не звонили. Наутро попытку повторили, но с тем же результатом. Тогда отец позвонил на работу и отпросился на весь день. Поехал он, конечно, на дачу. Каково же было его удивление, когда он понял, что дочь его к даче и близко не подходила. Испугался ли он за нее?

Как ни странно, нет. Подсадовал, что скрытничать начала, не смогла сказать правду, посчитала за благо схитрить. К таким отношениям с дочерью он не привык, но, в принципе, принять их мог.

Он вернулся в город. Матери сказал, что все в порядке, дочь звонила, он и до дачи не доехал. Сказал и тут же пожалел. Вот так всегда и бывает: одна маленькая ложь тянет за собой вторую, затем третью, а спустя какое-то время человек понимает, что сплел из вранья такую паутину, что слона легко опутает. Да только вот не слон в ней барахтается, а сам обманщик и врал. Полдня промучился, не выдержал и рассказал жене все как есть. И про пустую дачу, и про обман, и про свои предположения. Жена не рассердилась, поняла, из каких соображений супруг пошел на обман. Сели, подумали. Вместе решили, что повода для беспокойства нет.

Вот вернется дочь домой, тогда они с ней и поговорят. Восстановят доверительные отношения, и больше никаких недомолвок и секретов у них в семье не будет.

Но к понедельнику, в который Светлане надлежало вернуться на работу, она не появилась. Отец позвонил ее коллеге, и та сказала, что в офисе девушки нет. Вот тогда родители забили тревогу. Чтобы их Светлана прогуляла работу? В жизни такого не бывало. Значит, с ней случилось нечто из ряда вон выходящее. Мать засела за телефон и начала обзванивать всех подряд: знакомых, друзей, знакомых друзей и вообще всех, чьи телефоны удалось отыскать в записных книжках дочери, которые она вела со скрупулезностью, выработанной за годы работы в отделе статистики. Отец же поехал в офис. Выяснить, куда могла уехать Светлана, ему не удалось. У матери тоже дела не двигались, поэтому после посещения офиса отец отправился в полицию.

Принимать заявление об исчезновении девушки у него не хотели. Твердили, что времени прошло слишком мало. Давили на то, что дочь не пожелала поделиться с родителями планами на отпуск, а раз так, то могла и насовсем уехать, не поставив их в известность. Намекали на то, что она попросту сбежала. Одна или с другом, неважно. И советовали возвращаться домой, набраться терпения, мол, погуляет девушка и вернется. А не вернется, так даст о себе знать.

Отца Светланы в полиции не убедили. Принять заявление и начать розыскные мероприятия он их в итоге заставил. Снабдил описанием внешности и одежды, присовокупил фотографии из семейного архива. Получив подтверждение, что работы начаты, вернулся домой. К концу второй недели в полиции от отца Светланы уже не отмахивались, хотя и продолжали считать, что девушка просто сбежала. Родители лично объехали всех ее знакомых и приятелей, но ни один из них не смог сказать, где, а главное, с кем Светлана планировала провести отпуск.

Надо отдать должное приморской полиции, отработали они факт исчезновения девушки по полной программе. И на работе побывали, допрос с пристрастием всем офисным работникам устроили, и круг приближенных лиц прощупали, и даже на вокзале побывали, надеясь найти того, кто видел там девушку. Труды прошли впустую, так как ни одной живой душе Светлана о своих планах не рассказала. В офисе вообще понятия не имели, есть ли у той парень или какой-нибудь более солидный мужчина.

Относительно того, изменилось ли поведение девушки в период до исчезновения, мнения разделились. Кто-то считал, что изменилось. Девушка стала более скрытной, могла улизнуть с работы в обеденный перерыв, а вернуться на четверть часа позже положенного времени. Могла и вечером пораньше уйти. Но чаще, наоборот, задерживалась. Такое поведение для Светланы было нетипичным. Другая часть знакомых настаивала, что Светлана вела себя как обычно. Ничего, что бросалось бы в глаза, с ней не происходило.

В полиции провели все предусмотренные в таких случаях мероприятия: проверили сводки происшествий, морги и больницы, разослали ориентировку по области. Мобильный телефон Светланы исчез из поля зрения специальных отслеживающих программ сотового оператора, и обнаружить его местонахождение не удалось даже оперативным сотрудникам. Спустя месяц у родителей Светланы все еще не было никаких известий о местонахождении дочери, и тогда они мысленно начали готовить себя к худшему. Сейчас же, по прошествии трех месяцев, надежда на возвращение дочери исчезла окончательно.

Больше зацепок у Суровцева не осталось. Контейнер с мертвым телом никого во Владивостоке не интересовал, и понять, почему тело неизвестной девушки было отправлено именно Светлане, оказалось делом неблагодарным. Чтобы не шокировать свидетелей реальными фотографиями с места происшествия, Суровцев привлек к работе штатного художника, и тот за два часа сварганил ему вполне приличное фото жертвы. На нем она выглядела так, как должна была выглядеть до смерти. Фото это Суровцев предъявил всем знакомым и родственникам Светланы, но в ее окружении девушку не знали. Теперь следователь ждал фоторобот мужчины, который организовал смертельный круиз погибшей. Его он тоже собирался предъявить зна-

комым Светланы. По мнению Гурова, это было разумно, вот почему он спешил закончить с Тамарой и, несмотря на ее усталость, откладывать процедуру составления портрета холеного мужчины не стал.

А Тамара и не возражала. Ей самой хотелось покончить с неприятными обязанностями как можно быстрее. Она уже знала, что заставило полковников обратить внимание на ее спасителя. Думать о том, что человек, который спас ей жизнь, вовсе не такой благородный и положительный, было неприятно, но выходило именно так. Ночью, пока шла ее смена, Тамара, размышляя, вспомнила все подробности ночного нападения и последующего спасения, каждый визит незнакомца, и в ее душе поселилось стойкое ощущение, что полковники правы, нападение вполне могло оказаться заранее спланированным действием, а последующие визиты служили лишь одной цели. Мужчина собирался использовать Тамару, чтобы избежать тщательного досмотра контейнера.

Это осознание злило ее больше всего. Надо же так опростоволоситься! За всю свою жизнь Тамара не делала таких ошибок. Почему она поверила незнакомцу? Почему не поинтересовалась, чем он занимается, где работает, с кем живет? Почему даже имени мужчины не узнала? Она была уверена, что задавала этот вопрос, да только незнакомец на него не ответил, а Тамара почему-то не настояла. И потом, когда тот пришел снова и обратился к ней с просьбой, она и помыслить не могла, для чего тот собирается использовать контейнер. Просто согласилась, и все. Без вопросов, без недоверия. Взяла и согласилась.

Теперь же она собиралась исправить свою ошибку настолько, насколько это вообще возможно при сложившихся обстоятельствах. Придя в кабинет криминалистов, Тамара уселась на предложенный стул и старательно выполняла все требования художника-криминалиста. Выбрала овал лица, форму носа, разрез и цвет глаз, справилась с выбором прически, вспомнила про родинку возле мочки уха. Но когда криминалист предъявил ей полную картину, оказалось, что созданный ею портрет совершенно не совпадает с оригиналом. Она расстроилась, а криминалист, привычный к подобным казусам, начал все сначала.

Гурову и Крячко вовсе не обязательно было наблюдать за их работой, просто других дел до получения фоторобота у них не было, а тупо сидеть в кабинете ни тому ни другому не хотелось. Время от времени Крячко пытался помочь Тамаре: вставлял свои реплики, предлагал варианты, но это ее лишь отвлекало. Художник терпел сколько мог, но потом не выдержал и пригрозил выпроводить Крячко из кабинета, несмотря на его высокое звание. Стас притих, Тамара успокоилась, и работа продолжилась.

С портретом провозились часа три. В итоге Тамара признала, что сходство получилось недурным. Единственное, что ее смущало, это сердитый взгляд. У ее спасителя взгляд был каким-то мудрым и доброжелательным, что ли, заявила она. Художник что-то подправил, и на этот раз буфетчица осталась довольна.

– То, что нужно, – объявила она. – Знакомьтесь, перед вами мужчина, который спас меня от хулиганов. Один в один получился.

Полковники пододвинулись ближе к монитору. Мужчина с портрета на злоумышленника совсем не походил. Высокий лоб с небольшой аккуратной челкой, умные глаза, нос прямой, уходящий в лоб практически без обозначения переносицы. Подбородок тяжеловат, но общий вид не портит. Про такое лицо обычно говорят «греческий профиль». Если бы присутствующие не знали, к какому жестокому по своей сути преступлению причастен этот человек, то наверняка отнесли бы его к разряду законопослушных граждан.

– С виду такой душка, – выдал Крячко. – Даже любопытно, что заставило его поступить так, как он поступил?

– Может, вы все-таки ошибаетесь? – рассматривая творение художника, предположила Тамара. – Ведь и правда видный мужик. Может, его контейнером кто-то воспользовался, а он

об этом и не знал? Я понимаю, звучит надуманно, но вдруг? Он мог и не знать, что туда попадет женщина. Просто хотел помочь знакомой, вот и все.

– Не будьте так наивны, Тамара, – отмахнулся от предположения буфетчицы Крячко. – Чтобы случилось такое совпадение, этому мужику нужно быть меганевезучим. По-вашему, он похож на невезучего человека?

– В жизни и не такое случается, – начала Тамара. – Вот у нас одно время женщина работала. Имя у нее еще такое вычурное. Ираида. Так эта Ираида раз в неделю в переделку попадала. Мы ее за глаза потом так и прозвали: Ираида-геморрой. То у нее колесо на трассе спустит, а запаска дома останется. То закупит картошки на зиму, а тут нашествие мышей, и они ее всю попортят. Если кран сорвало, так обязательно в рабочий день и так, что штукатурка от стен отвалится. Если решит покупки делать, непременно всякого дерьма ей на рынке всучат.

– Сравнили! – возмущенно запыхтел Стас. – Какой-то там кран сорванный и труп в контейнере. Нет, Тамара, человек этот внешне, может, и приятный, но внутри насквозь прогнил. Или в мозгу у него тараканы размером с крысу.

– Это как? – удивленно открыла рот буфетчица. – Болезнь, что ли, такая есть?

– А как же! Шизофрения называется, не слышали? – В глазах Крячко заблестели искорки смеха. – Как тараканы активизируются, так человек что-то вроде такой вот поездочки в железном ящике для своих близких устраивает.

– Да ну вас! – махнула рукой Тамара. – Я думала, вы серьезный человек, а вы так, пустомеля.

– Красавчик ваш – вот кто пустомеля, – назидательно произнес Станислав. – Вспомните, как он вам голову задурил. Было ему дело до того, что случится с вами, когда контейнер вскроют и обнаружат там труп? Ни хрена ему ни до кого дела не было. А ведь мы могли вас арестовать за покушение на убийство. Это-то хоть вы понимаете?

– И все же красивый портрет получился, – предпочла Тамара проигнорировать назидательную речь. – Спецы у вас здесь работают что надо. Идеальное сходство получилось.

Художник довольно потер переносицу и пустил рисунок на принтер. Гуров отправил Крячко провожать Тамару, велел организовать ей доставку до дома. Сам же забрал электронную копию портрета и листы из принтера и вернулся в кабинет. С капитаном Суровцевым они условились заранее, что, как только фоторобот будет готов, полковник перешлет копию во Владивосток, на личный номер Суровцева. Как только файл ушел, Суровцев тут же позвонил.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – прокричал он в трубку. – Снимок получил, сейчас организую четыре бригады, они пойдут по знакомым Светланы. Возможно, в ее окружении найдется человек, схожий с фотороботом.

– Отличный план, – одобрил Гуров. – В долгий ящик не откладывайте, мы тоже сидеть сложа руки не будем. Пройдемся по общаге, быть может, кто-то опознает нашего деятеля.

На этом разошлись и встретились снова только в пять часов вечера. К этому времени с опознанием закончили и в Москве, и во Владивостоке. Сказать, что новый опрос ничего не дал, – значит ничего не сказать. В общежитии проторчали часа два, опросили всех, кого смогли застать на месте. Комендант вглядывался в портрет минут двадцать, напрягал подпорченную алкоголем память, но в итоге заявил, что лицо с портрета даже смутно знакомым ему не кажется. И вообще, он уже сильно сомневается, что сдавал кому-то комнату. Даже предположил, что кто-то из студентов над ним подшутил, подсунув конверт с номером пятьсот пять.

Гуров напомнил, что в конверте были деньги, вряд ли чувство юмора студентов распространяется настолько далеко, чтобы ради шутки расстаться с немалыми деньгами. Тогда комендант посоветовал попытать счастья у бывших жильцов. Текучка есть и у них в общеаге, заявил он. Может, удастся найти того, кто присоветовал жильцу-невидимке снять комнату у Подольского. Такое случалось не раз. Выезжает человек, освобождает комнату и рекомендует это жилье кому-то из знакомых, кто в тот момент как раз ищет, где бы угол снять. Он и список

передал, в котором фиксировал, когда человек заселился и выселился. Кое-где и новые адреса значились, остальных же можно было найти через делопроизводителя университета. Полковники так и сделали. Поехали в университет и в короткий срок получили номера телефонов студентов, когда-то числившихся у Подольского.

Напарники объездили половину Москвы, посетили всех, кто в интересующий их период жил в общежитии на Шелковичной, но в настоящее время оттуда съехал. Пробыли все возможные базы МВД и ГИБДД, разослали ориентировку во все отделения полиции Москвы и области. Несмотря на все усилия, идентифицировать человека со снимка ни по одной базе не удалось.

Отчет капитана Суровцева не особо отличался от отчета Гурова. Родители Светланы мужчину с фоторобота никогда не видели. На работе у девушки он не появлялся. Друзья и знакомые о нем ничего не слышали. В одном месте Суровцеву показалось, что удача наконец-то решила повернуться к нему лицом. Он даже воодушевился. Коллега Светланы по офису вдруг вспомнила, что видела ее в кафе возле центрального городского парка. Было это за месяц до исчезновения девушки. Светлана была там с парнем, и, по мнению коллеги, сходство с фотороботом прослеживалось.

Суровцев поехал в кафе. Он надеялся, что мужчина с фоторобота окажется в кафе завсегдатаем или хотя бы примелькаться успеет, но нет, официанты его не узнали, бармен тоже, а уж у них на лица память не хуже, чем у оперов. Зацепка не сработала, и новых отыскать не удалось. Куда двигаться дальше, Суровцев понятия не имел, впрочем, как и Гуров. В итоге разошлись ни с чем. Суровцев отправился на ковер к своему начальству, а Гуров и Крячко – на доклад к генералу Орлову.

Секретарша Верочка встретила полковников сердитым взглядом.

– Кто тебя так рассердил, красавица? Покажи мне этого человека, и я его в порошок сотру, – шутливо проговорил Стас.

– С себя начните, – проворчала Верочка. – Вы – моя головная боль.

– Мы? Это Гуров, что ли? Признавайся, Лева, ты почто боярыню обидел? – Крячко знал: если у Верочки настроение испортилось, исправить положение можно только шуткой. Женщина она смешливая, хорошую шутку всегда поддержит. – Вот что, дружище, дуй-ка ты за шоколадкой, а с генералом я сам разберусь.

– Скажете тоже, полковника за шоколадом отсылать, – улыбнулась Верочка.

– А почему нет? Ты у нас кто? Секретарь генерала, можно сказать, его правая рука. А может, и левая заодно. Значит, ты автоматически получаешь звание выше полковничьего. Да ты ему даже приказать можешь. Так, мол, и так, товарищ полковник, даю вам срок десять минут, и чтобы на моем столе лежало три сорта шоколада, на выбор. А он подчиниться должен. У нас, у служивых, обсуждать приказы старшего по званию не принято. Приказали – выполняй.

– Вот еще выдумали! – вконец развеселилась Верочка. – Не хватало еще, чтобы товарищ генерал об этом узнал. – Она опасливо покосилась на аппарат селекторной связи: вдруг из режима громкой связи забыла вывести. Но нет, лампочки не моргали, звук был отключен. – Лучше я о вашем приходе доложу. Товарищ генерал уже дважды вас вызывал. Сердитый теперь. Сами виноваты, почему так долго не являлись?

– Так мы только вернулись, – ответил Крячко. – Все по делу его хлопочем.

– Вот и доложите ему о том, что наработали. – Верочка потянулась к селектору, вдавила крайнюю кнопку и мелодичным голосом произнесла: – Петр Николаевич, Гуров с Крячко пришли.

– Запускай, – велел генерал.

Верочка кивнула головой, указывая на дверь, и переключила селектор на режим ожидания. Гуров вошел первым, за ним тащился Крячко. В приемной так вкусно пахло ванилью, что уходить в прокуренный кабинет генерала, где их наверняка ждет головомойка, ему никак не

хотелось. Вопреки Верочкиному прогнозу Орлов оказался в отличном расположении духа. Он пролистывал одно из текущих дел, не вынимая отпечатанных листов из папки.

– Явились, бродяги? – проговорил Орлов, и полковники сразу расслабились. Раз генерал использует неофициальную манеру общения, значит, головомойки не будет.

– Здравия желаю, Петр Николаевич! – присаживаясь на свободный стул, поздоровался Гуров.

– Добрый вечер, товарищ генерал! – вторил ему Крячко. – Ведь он добрый, я угадал?

– Надеюсь, таким он и останется, – пряча смешинки в уголки губ, ответил Орлов. – Сегодня мне с плохим настроением домой лучше не соваться.

– Что так? – заулыбался Гуров.

Супругу генерала он знал почти столько же лет, сколько и самого Орлова. Она всегда казалась ему женщиной сильной, способной управлять генералом получше, чем он управлялся со своими подчиненными. Делала она это мягко, ненавязчиво, но так, что отказать ей мог разве что мертвый.

– Сегодня вечером у нас в гостях ее подруги, – улыбаясь во весь рот, произнес Орлов. – Будут пить ликер и обсуждать светскую жизнь московского бомонда. Как она обеднела и оскудела. А я должен буду следить за тем, чтобы их настроение не упало ниже определенного градуса. Вот такой у меня сегодня насыщенный вечер намечается. Не хотите присоединиться?

– Спасибо за предложение, но у нас расследование, – поспешно отказался Гуров. Подруги генеральши – это была излюбленная тема для шуток. Всего их было трое, не считая самой супруги Орлова. Дожив до преклонных лет, они не потеряли вкуса к хорошему ликеру и хорошей сплетне. А уж найти предмет для сплетен не составляло никакого труда. И все же для генерала встреча подруг, да еще и на его территории, всегда выливалась в настоящее испытание, так что присоединяться к общей экзекуции ни Гуров, ни Крячко желанием не горели.

– Ладно, трусы, на этот раз отбрехали, – беззлобно проговорил Орлов. – Только уж будьте уверены: работу вашу за сегодняшний прогул я проверю досконально. С пристрастием, так сказать. А сейчас докладывайте, что удалось выяснить по приморскому делу?

Гуров отбросил шутливый тон и приступил к докладу.

Встреча с генералом закончилась мирно. Благодаря запланированному его женой вечеру долго рассиживаться Орлов не мог, он и доклад-то вполуха слушал. И из кабинета их выпроводил почти насильно, так ничего и не присоветовав по текущему расследованию. Трудитесь, старайтесь – вот и весь наказ. Правда, на восемь утра встречу назначил, чтобы не расслаблялись.

А Гуров и не думал расслабляться. Когда? Дело стоит, подвижек не предвидится, и что дальше делать, вообще непонятно. Вернулись в кабинет, посидели, покурили. Крячко в своей излюбленной манере принялся выдвигать самые невероятные варианты выхода на Деятеля – так для удобства решили обозначить главного подозреваемого. Гуров слушал, отмечая одно предложение за другим, пока Стасу не надоело искать аргументы.

– Ты бы хоть один вариант предложил, – насутился он. – Мои все отвергаешь, а свои предложения не вносишь. А время, между прочим, утекает. Ты уж реши, что делать будем: по домам разбежимся или делом займемся.

– Похоже, по домам, – после минутной паузы ответил Лев. – Все равно сегодня больше ничего не высидим.

– До дома подбросишь? – оживился Крячко. – Я сегодня безлошадный.

– Поехали, куда от тебя денешься?

Глава 5

Архив ГУ МВД по Московской области открывался ровно в восемь, но по опыту Гуров знал: если очень надо, то туда можно попасть в любое время. Главное, иметь правильные знакомства. Он такие знакомства имел. Один звонок, и дежурный охранник открыл перед ним двери в четыре тридцать утра. В такую рань из дома его выгнала извечная привычка держать рабочие проблемы в голове. Так уж устроен мозг добросовестного опера: будет сверлить своего хозяина до тех пор, пока просвет не покажется. Когда возникала ситуация, подобная той, что сложилась с поиском Деятеля, заблокировать навязчивые мысли Лев при всем своем желании не мог.

В такие минуты он малодушно завидовал людям, профессии которых позволяли оставлять мысли о работе на этой самой работе. Взять, к примеру, работника конвейера. Стоит он целый день возле конвейерной линии, собирает в коробки какие-нибудь шестеренки или расфасовывает по пластиковым пакетам кухонные полотенца. А голова от мыслей свободна, мечтай о чем угодно. Хоть о воскресном походе в кино всей семьей, хоть о бутылочке пивка, что дожидается в дверце холодильника. А если продукты питания фасуешь, печенье например, так вокруг тебя еще и запах одуряющий. Ваниль, миндаль, ароматические эссенции. Чем не рай? Отработал смену, переоделся, вышел за ворота и забыл про шестеренки и печенье до следующей смены. Будто их и не существует вовсе. И ведь сколько таких профессий! А дворники? И воздухом свежим надышался, и красоту навел, любо-дорого посмотреть, а потом домой с чистой совестью вернулся, перед экраном телевизора растянулся и забыл про горы мусора, которые за день перелопатил. Вот у врачей не так. Они про своих пациентов хотели бы забыть, да не могут. Чуть расслабишься – и угробил пациента. Или учителя, им тоже в плане мозговой деятельности не повезло. Иванов уроки третий день прогуливает, родителей вызывать надо, а кого вызывать, если мать в две смены пашет и сына только по ночам видит? Да, с такой работой не расслабишься.

Конечно, есть и в этих профессиях дни, которые в календаре красным кругом отметить хочется, но их по пальцам одной руки сосчитаешь. Но своя прелесть в такой работе, бесспорно, есть. Когда тот же самый Иванов после серии доверительных бесед вдруг за ум взялся, тут и наступает удовлетворение и гордость за свою профессию. Не дал юному созданию по кривой дорожке пойти, скатиться в пропасть. Или сложный случай распутал, заболевание правильно диагностировал тогда, когда и надежды уже не осталось. Мало того что болезнь определил, так еще придумал, как от нее избавиться. Пациент здоров, а врач горд и доволен.

У правоохранителей поводов для гордости тоже немало. Ходит такой вот Деятель по Москве и радуется. Хитрый план разработал, никто не догадается. Ходить ему безнаказанным не переходить. А дотошный опер взял и разгадал все его хитрости. Разгадал, Деятеля отыскал и прищучил. Девушку этим он не вернет, но расплатиться за ее смерть Деятелю придется. Мало, что ли, таких деятелей на веку каждого опера встречалось? Да сколько угодно. Сперва они все фантомами кажутся. Неуловимыми, неуязвимыми, а потом вдруг все разом меняется. Задача, которая казалась неразрешимой, получает совершенно простой ответ. Проблема, за которую и браться не хотелось, настолько безнадежной она выглядела, разрешается в считанные минуты.

Примерно такие мысли одолевали Гурова, когда он вернулся со службы в пустой дом. Вроде и тоскливо по пустой квартире ходить, зато от мыслей никто не отвлекает. Жуешь колбасу с яичницей, а сам задачу в голове крутишь. Крутишь, крутишь, а потом вдруг мысль здравая посетит. Начинаешь ее со всех сторон рассматривать и приходишь к выводу, что не все так безнадежно. Про архив Гурову именно так, ни с чего, мысль в голову пришла. Зацепилась за невинную фразу, да так и осталась. «И как только он додумался посадить человека в железный контейнер и отправить через всю страну? Это же не удавку на шею набросить и не укуса вме-

сто минеральной воды в стакан налить. О таком в газетах каждый день не пишут. Интересно, случалось ли подобное раньше?»

От этой мысли все и закрутилось. Если случалось, то факт должен быть зафиксирован, резонно подумал Гуров. А если зафиксирован, должен быть в архиве. Но не просто в архиве, а в открытом доступе для любопытных обывателей. Где такую информацию в реальной жизни ищут? В интернете, конечно. Тогда чем он, Гуров, хуже? Как любит выражаться современная молодежь, Гугл вам в помощь. Отставив в сторону тарелку с остатками ужина, Лев засел за компьютер и принялся штудировать информацию по интересующему вопросу.

Покопаться пришлось долго, всезнайка Гугл никак не хотел обрабатывать запрос так, как этого требовал Гуров. Он выдавал любую информацию про контейнеры, про грузоперевозки, про трупы и беременность, но никак не хотел объединять все эти параметры в одно целое. И Лев понимал почему. Ситуация была настолько дикой, что даже Гугл отказывался верить в то, что подобное могло произойти на самом деле.

И все же провозился он не впустую. В одной из статей, посвященной курьезам семейной жизни, журналист описал, как добропорядочный на первый взгляд гражданин поспорил с друзьями и на спор отправил свою жену в грузовом контейнере в Иркутск. Произошло это пятнадцать лет назад, поэтому и запрос не сразу вышел, слишком много времени прошло. И все же это была зацепка. Стоит покопаться в давнем деле, выяснить, что за кадр этот муж-спорщик. Вдруг он и есть их Деятель? Сомнительно, конечно, но других вариантов-то все равно нет.

Гуров взглянул на часы, висящие над кухонной дверью. Минутная и часовая стрелки сошлись на цифре двенадцать. «Ничего, не так уж поздно для столицы», – решил он и набрал номер начальника архива, подполковника Седых. Застал его на прогулке, тот выгуливал любимого питомца, эрдельтерьера по кличке Бося. Гулять Босе нравилось только по ночам, и подполковник его странности потакал. Лев озвучил просьбу, Бося заголосила, требуя внимания хозяина, и Седых скоренько свернул разговор, пообещав связаться с охраной и предупредить, чтобы те сделали исключение для полковника Гурова и пустили его в архив во внеурочное время.

Посчитав, что трех часов на сон ему вполне хватит, Лев предупредил Седых, что приедет в архив к половине пятого утра. Седых и на это не возражал.

Ровно в три тридцать будильник поднял полковника, а в четыре тридцать он уже стоял у дверей архива. Сонный охранник, недовольно морщась, повертел в руках удостоверение, посмотрел на часы, осуждающе покачал головой и провел его в святая святых. Коротко проинструктировав, как вести поиск в залежах папок, охранник ушел, предоставив Гурову бродить вдоль нескончаемых рядов стеллажей, изучая даты, названия разделов и другие полезные для поиска надписи.

Дела пятнадцатилетней давности все еще хранились в бумажном формате. То ли оцифровкой их заниматься было некому, то ли сотрудники архива, ответственные за оцифровку, не проявляли должного рвения к нудной работе, но искать пришлось по старинке, изучая корешки дел и сдувая пыль с коленкоровых переплетов. И все же уголовное дело за номером «ноль один, ноль-ноль пятнадцать» Гуров нашел довольно быстро. Выудил из коробки папку, сел за стол и принялся листать пожелтевшие страницы.

Осужденный оказался уроженцем Тюмени. До ареста подвизался разнорабочим на Тюменском нефтеперерабатывающем заводе. Звезд с неба не хватал, особого желания работать не проявлял, но и в отстающих не ходил. В день, когда произошел спор с коллегами по цеху, находился в нетрезвом состоянии. Все это было записано со слов свидетелей, таких же разнорабочих завода, как и осужденный.

По их словам, идея заключить пари на то, сумеет ли гражданин Будейко заманить свою жену в контейнер и отправить, как посылку, в другой город, пришла самому осужденному. На этих показаниях сходились все свидетели. Однако контейнер для перевозки живого груза

заказал один из участников спора. Правда, цель при этом преследовал совсем иную. У него в Иркутске жила сестра. Сам свидетель решил поменять мебель, а старую отправить сестре, так как та жила без мужа с тремя малолетними детьми и остро нуждалась в любой помощи.

Когда Будейко вызвался организовать перевозку вместо свидетеля, тот и думать не думал, что глупое пари все еще интересует сослуживца. С момента спора прошло около месяца, и за этот период ни один из участников спора про пари не упоминал, в этом свидетели тоже сходились единогласно. Будейко уговорил супругу помочь ему с погрузкой, аргументируя тем, что за мелкую услугу платят хорошие деньги. Таким образом он заманил жену на дачу к сослуживцу, куда предварительно была свезена мебель, напоил ее снотворным и до приезда контейнера запер в шкаф. Дверцы шкафа обмотал липкой лентой, а чтобы жена не задыхнулась, положил ей туда нож и кое-что из еды. Приехавшие грузчики перетаскивали вещи в контейнер, Будейко сопровождал груз на станцию, проследил за тем, как опечатывают дверь, и поехал домой. На его счастье, или на беду супруги, состав тронулся в путь в этот же день. Контейнер Будейко цепляли одним из последних. С дозой снотворного он не прогадал, женщина проспала в закрытом шкафу около двенадцати часов. А когда проснулась, испытала такой шок, что долгое время не могла пошевелиться. И все же смогла взять себя в руки, нашла нож, вскрыла липкую ленту и выбралась из шкафа. К тому времени она уже поняла, что за шутку сотворил с ней муж, но сидеть в контейнере до конечной станции не собиралась. Каждый раз, как поезд останавливался, подходила к двери и колотила по ней ножкой стула, загруженного в числе прочей мебели. Услышали ее не сразу, поезд успел дойти почти до Иркутска. А когда услышали, пригласили станционную полицию, те вскрыли дверь и освободили пленницу.

А в это время ее супруг снова выпивал в компании трех свидетелей, демонстрируя им фотографии. Целый фотоотчет. Вот он укладывает супругу в шкаф, вот упаковывает шкаф для отгрузки, вот грузчики перетаскивают мебель в контейнер. Даже момент, когда контейнер опечатали, и тот заснял. Сослуживцы сперва не поверили, а потом ужаснулись. Принялись убеждать Будейко обратиться к станционному начальству, чтобы те освободили жену. Но Будейко интересовал только выигрыш. Пари заключено – будьте добры раскошелиться.

Денег он, естественно, не получил. Освобожденная супруга подала заявление в полицию, и Будейко осудили по статье «Умышленное причинение вреда здоровью», хотя прокурор и настаивал на переквалификации деяния как «Покушение на смерть». В Тюмени и Иркутске это дело гремело долго, хотя и с юмористическим оттенком, но отписались о происшествии все крупные и мелкие издания. Униженная жена была вынуждена сменить место жительства, так как в родном городе не тыкал пальцем в ее сторону только ленивый.

На этом история заканчивалась. Гуров перечитал материалы дела дважды, пытаясь примерить старую историю к новой. В первом случае подсказчиком осужденному служили глупость и водка. Что заставило поступить так же Деятеля, он пока понять не мог. Как не мог понять и того, что заставило девушку подчиниться желанию Деятеля. В случае с женой Будейко все ясно. В контейнере она оказалась не по доброй воле, а под действием снотворного, чего не скажешь о неизвестной жертве. Вряд ли Деятель воспользовался изобретением Будейко и опоил девушку снотворным. Хотя она и провела в контейнере столько времени, что любое снотворное из организма успело бы выветриться, ее дальнейшее поведение говорило само за себя. Деньги? В случае с Будейко они сработали как катализатор. Может, и с девушкой так? Решила подзаработать, пока еще есть время, ведь после родов уже не поработаешь. На наркоте она не сидела, это криминалисты выяснили в первую очередь, благо в волосах ее следы сохраняются до девяноста дней, так что если ей и нужны были деньги, то не на дурь.

«Стоп, Гуров! – решительно отодвинул папку в сторону Лев. – Ты уверен, что реальная твоя проблема заключается в том, чтобы узнать, каким образом Деятель сумел посадить девушку в контейнер? Это ли главный вопрос? Нет, и еще раз нет! И ты это прекрасно знаешь. Не зацкливайся на процессе, думай как опер. Перед тобой стоит задача. В чем она заключа-

ется? В том, чтобы найти ответ на два вопроса: как узнать имя девушки и как выйти на Деятеля. Все остальные вопросы в твоём случае второстепенны. Решись эту задачу, к ней приложатся и остальные решения. А что это значит лично для тебя как для опера, тебе подсказывать не нужно».

В подсказках Лев действительно не нуждался, разрабатывать план следственно-разыскных мероприятий для него дело привычное. Вот этим он и займётся. А чтобы мысли о дикости обстоятельств, при которых погибла девушка, не уводили в сторону, нужно всего лишь отбросить их в сторону. Что бы он стал делать, если бы труп обнаружили не в контейнере, а, скажем, в парке? Попытаться найти свидетелей – это само собой. Но свидетели не найдены, значит, этот пункт отработан. Что дальше?

А дальше все просто. Девушка на шестом месяце беременности. К этому сроку обычно даже самые нерадивые из будущих мамаш хоть раз да посетили поликлинику по месту жительства, а это значит, что в какой-то из поликлиник имеется запись, которая поможет идентифицировать труп. Как это делается? Нудно, долго, но продуктивно. Не так давно ребята из Могилева обращались в Москву с подобным запросом. Там ситуация была похлеще приморской.

Труп молодой женщины был найден в новостройке. Как выяснилось позже, ее замуровали в простенок размером два на полтора метра ещё живую. Такой вот странный способ убийства. Медленный и жестокий. Обнаружили труп совершенно случайно, прораб оказался мужиком дотошным. Бригада строителей работала по системе шестидневной рабочей недели, воскресный день оставляя для законного отдыха. В субботу прораб принял работу бригады и сдал объект на откуп охране. Вернувшись в понедельник, он, как обычно, обходил объект, проверяя, не вылезли ли где изъяны в работе, так как заказчик имел привычку штрафовать бригаду за любой незначительный просчет.

И вот в одной из квартир, в которой бригада выполняла внутреннюю отделку, он заметил, что штукатурка на фальшстене лежит неровно. Прораб был уверен, что в субботу эта работа вообще не выполнялась. Сверившись с записями и план-проектом квартиры, он убедился, что на этом месте заказчик планировал изобразить что-то вроде потайного шкафа и стену эту закрывать вообще не было смысла. Прораб начал выяснять, кто из бригады проявил инициативу и кому предстоит в срочном порядке заниматься демонтажом оштукатуренной стены.

Но бригада в один голос открещивалась, убеждая прораба, что появление стены не их рук дело. Промучившись минут двадцать, он принял «соломоново решение» – назначил двух подсобников, проштрафившихся на прошлой неделе, на срочный демонтаж. Они, мол, демонтируют стену, а он снимает с них штраф за прошлый «косяк». Те взялись за инструмент, и через пятнадцать минут стена была удалена, а за ней открылась ужасающая картина: молодая женщина лежала в дальнем углу в позе эмбриона. Парни позвали прораба, и тот с первого взгляда определил, что женщина мертва.

Обнаруженный за стеной труп парализовал работу бригады на целую неделю. Полиция таскала на допросы всех, начиная с охранников и заканчивая самим заказчиком. При женщине не было ни документов, ни каких-то других личных вещей. Определить в ней жительницу Москвы помогла бирка на джемпере из ангорской шерсти. На внутренней стороне джемпера имелась нашивка популярной в Москве химчистки. К сожалению, ни дата, ни номер нашивке не отображались, всего лишь логотип, но это была хоть какая-то зацепка. Местные опера рассудили, что вряд ли девушка ездила в Москву ради того, чтобы почистить одежду. Скорее уж в Могилев она приехала из Москвы и здесь нашла свою смерть.

Но вспомнился Гурову этот случай вовсе не из-за химчистки, а потому, что погибшая тоже оказалась беременна, и даже срок примерно совпадал. Могилевские правоохранители послали в Москву исходные данные: возраст, вес, рост, особые приметы, группу крови и некоторые другие параметры, по которым можно было определить имя погибшей. Ориентируясь на

местоположение сети химчисток, чей логотип стоял на нашивке, московские опера обошли все кабинеты женских консультаций и перинатальные центры, расположенные в непосредственной близости от химчисток. И нашли то, что искали. А раз это удалось однажды, может сработать и во второй раз, рассудил Гуров.

Чтобы освежить в памяти детали расследования могилевского дела, он обратился к архивным записям, благо на этот раз информация не залежалась, кроме того, имелась в электронном виде. Распечатав несколько листов по могилевскому делу, Лев сделал копию дела Будейко, поблагодарил охранника за помощь и ушел. Из архива он отправился напрямик к себе в кабинет.

К тому времени стрелки часов показывали четверть девятого, и Крячко уже нарезал круги по коридорам в поисках Гурова. Он как раз выходил из аналитического отдела, когда Лев свернул в коридор, ведущий к кабинету. Стас остановился, поджидая товарища, и сердито проворчал:

– Ну наконец-то! Где тебя черти носят? У генерала уже из ноздрей пар валит. Забыл, что нам на восемь назначено?

– Не нагнетай, Стас, разберемся, – отмахнулся Лев и прошел в кабинет.

– Ты что, к Орлову не собираешься? – заскакивая следом, продолжал возмущаться Стас. – Говорю же, Верочка трижды по селектору вызванивала.

– Надо кое-что обмозговать, – ответил Гуров.

– А Орлов?

– Об этом не беспокойся, – успокоил напарника Лев и стал набирать личный номер генерала. – Петр Николаевич, привет! Гуров говорит. Тут по приморскому делу кое-какие подвижки наклеиваются, только на то, чтобы все обмозговать, время требуется. Разрешите перенести доклад на более позднее время.

Что ответил генерал, Крячко не услышал, но из ответных слов Гурова понял: «добро» на перенос Орлов дал.

– Ну, ты сила! Двумя фразами колосса ушата! – восхищенно проговорил он.

– Садись, балабол, новостями делиться буду, – помахал Лев кипой бумаг, принесенных из архива.

– Есть новости из Владивостока? – воодушевился Крячко.

– Там пока глухо.

– Тогда откуда столько макулатуры?

– Поработал на досуге. – Гуров разложил перед Крячко листы из дела Будейко. – Вот, почитай.

Стас сначала быстро пробежал глазами по первому листу, затем придвинул бумаги ближе и начал вчитываться в каждую строчку. Он так увлекся, что не заметил, что читает вслух. Тихо, почти шепотом, но проговаривая каждое слово, время от времени вставляя комментарии.

– Обвиняемый Будейко насильственным образом ввел препарат седативного характера. Вот стервец, что придумал! А дружки тоже хороши. Сперва на подсудное дело подбили, а потом еще и сдали с потрохами. Так, тут все понятно. Гражданка Будейко мужнино стремление к наживе не оценила. А он-то о чем думал, когда дружкам фотки показывал? Это же сто-процентная гарантия статьи. Бывают идиоты по жизни, и ты, гражданин Будейко, главный их представитель.

Гуров не торопился, терпеливо ждал, пока губы напарника перестанут шевелиться и в кабинете наступит тишина. Крячко читал долго, то и дело возвращаясь к началу строки, стараясь вникнуть в детали. Чего ради Гуров принес эти записи в кабинет, он понял без объяснений – идею своего преступления Деятель срисовал с дела Будейко. Закончив чтение, Стас отложил листы в сторону и, вскочив с места, возбужденно воскликнул:

– Лева, ты гений! Нет, правда. Это же надо, так вот взять и на ровном месте серию откопать! А я вот не сразу сообразил, хоть и сам тогда Абрамову помогал. На общественных началах, так сказать.

– Не понял, о чем речь? – недоуменно посмотрел на него Гуров.

– Да дело могилевское! Это же второй дуплет. Наш Деятель и Будейко – раз, и Могилев с Таганрогом – два. Я должен был сам догадаться, Абрамов тогда всем уши прожужжал, насколько уголовники обнаглели, будто старые дела переписывают. Так ты не поэтому его выделил? – До Крячко вдруг дошло, что говорят они с Гуровым о разном, и он тут же принялся объяснять: – Могилевское дело срисовано с таганрогского. Под Таганрогом в деревушке лет девять назад случай был: супруги-алкаши от детей так избавиться решили. Не помнишь?

– Я и не слышал, – покачал головой Лев. – Давай-ка детали.

Освежать память Крячко не потребовалось. Со следователем Абрамовым он приятельствовал несколько лет, и когда возникала сложная ситуация, Абрамов не постеснялся просить помощи у Крячко. Про таганрогское дело Абрамов рассказал, когда работали над могилевским. История с таганрогскими родителями-душегубами Абрамову оказалась известна по чистой случайности. Копался в интернете, искал одну информацию, а наткнулся на эту историю, а когда из Могилева запрос пришел, про статью вспомнил.

В Таганроге это дело не сходило с первых полос газет недели две. В деревне Гуселка в крайнем доме проживала супружеская пара. Ему – под тридцать, ей – под сорок. Как водится, парочка вела разгульный образ жизни, заработок имела весьма скромный, состоящий из периодических шабашек. Но двоих детей родить успели. Девочке к тому времени исполнилось шесть, мальчику восемь. В один прекрасный день супругам надоело ныть детей, выпрашивающих деньги на еду, и супруги придумали план, как от них избавиться. На пьяную голову, разумеется.

В ночь, когда дети легли спать, они связали их, заклеили рты скотчем и отвели в сарай. Там, между двумя клетями, имелась комнатка, метр в ширину, два в длину. Еще когда родители супруги были живы, отец собирался из этой комнаты чулан отдельный сделать, с двумя выходами, чтобы на обе клетки удобно было пользоваться. Собирался, да так и не доделал. Простенок все это время пустовал, и супругам-пьяницам пришла в голову мысль, что никто и не подумает искать детей здесь, в простенке. Замуровать двери, и все дела.

Детей спасли соседи. Родители и заявления о пропаже в полицию написать не успели. Задней стенкой сарай граничил с соседским участком. Сосед в том месте мастерскую устроил, резьбой по дереву там занимался. Мальчику удалось освободить ноги, и он принялся колотить в узкую часть стены, надеясь, что сосед услышит. Тот услышал, с час раздумывал, что бы мог означать этот звук. Затем не выдержал, пошел к соседям-пропойцам. Напрямик спрашивать не стал, поведение супругов ему подозрительным показалось. Поболтал о том о сем, потом как бы невзначай про детей спросил.

Соседка заявила, что не обязана караулить их с раннего утра до поздней ночи. Сейчас, мол, лето, пусть бегают где хотят, к вечеру проголодаются и вернутся. Но глаза ее при этом бегали из стороны в сторону, как у нашкодившего пацаненка. Сосед вернулся к сараю, взял багор и оторвал одну доску. Когда к щели прижалось лицо соседского сына с заклеенным ртом, мужчина отбросил багор и набрал номер полиции. Детей достали из простенка живыми и без физических повреждений, чего нельзя сказать о психическом состоянии. Оба после инцидента попали в реабилитационный центр для людей, перенесших насилие. А горе-родителей осудили, и сейчас, по подсчетам, они все еще должны находиться в тюрьме.

– А вот это уже интересно. – Выслушав рассказ Стаса, Гуров задумался. – Случай, конечно, не настолько уникальный, как в случае с использованием контейнера, но все же и не настолько распространенный, чтобы о нем было известно каждому встречному-поперечному.

– Думаешь, у нас серия? – догадался Крячко.

– Сам скажи, – кивнул Лев в сторону разбросанных листов, которые он принес из архива. – Лично я склоняюсь к такому выводу. Тот факт, что обе жертвы оказались в положении, без документов и в чужом городе, очень этому способствует. Надо бы Жаворонкова подтянуть, пусть покопается в этой истории.

Он тут же набрал номер Жаворонкова:

– Валера, привет! Скажи мне, насколько сложно просмотреть все уголовные дела за последний год и отыскать среди них те, где жертва оказывалась беременна?

– Есть специальная программа. Она устанавливается на компьютере, где расположен электронный архив, и после этого можно ставить любые фильтры. – Как всегда, когда речь заходила о компьютерных примочках, в голосе Жаворонкова зазвучал неподдельный интерес. – Вам нужно собрать информацию по таким делам?

– Надо, Валера, – это мягко сказано. У нас с Крячко по последнему расследованию полный ступор. Есть надежда откопать зацепку в старых делах, но и она мизерная. Сможешь помочь?

– Да не вопрос, товарищ полковник, – воодушевился Жаворонков. – Вы только с ребятами из следственного комитета договоритесь, они мне тут тоже работенку подкинули. Нехорошо получится, если я вашей проблемой займусь, а их дело кому-то передам.

– Есть кому передать?

– Болотин на месте, он запросто справится.

– Ладно, Валера, приступай к работе, со следственным комитетом я договорюсь.

Глава 6

Генерал Орлов сидел за столом и немигающим взглядом смотрел на разложенные перед ним бумаги. Двенадцать листов машинописного текста, набранного двенадцатым шрифтом. Полчаса назад к нему в кабинет без доклада ввалились Гуров и Крячко, вывалили на стол кипу отпечатанных листов, и с тех пор в кабинете стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаги и мерным тиканьем настенных механических часов.

– Да, дела... – прервав тягостное молчание, протянул генерал. – И все это Жаворонков нарыл, копаясь в интернете?

– Часть информации из базы данных МВД, – подкорректировал Гуров.

– Не суть, – отмахнулся генерал. – Вопрос в другом: что нам со всем этим делать?

– Начинать полномасштабное расследование, – пожал плечами Лев. – Что тут можно еще придумать?

– Это понятно. Как мне об этом наверх докладывать? – Орлов хмурился, брови сошлись к переносице, взгляд выражал озабоченность. – За такие новости меня по головке не погладят.

– Может, пока не стоит докладывать? – предложил Крячко. – Повременим немного, а когда более конкретная информация появится, тогда и доложите.

– И как я объясню наш интерес к делам столетней давности, когда об этом станет известно наверху?

– Да пока они расчухаются, мы с Гуровым уже наверняка что-нибудь накопеем, – заверил Крячко и потребовал подтверждения от напарника: – Верно, Лева?

– Есть вероятность, что материалы прошлых дел, вернее люди, которые проходили свидетелями по этим делам, окажутся нам бесполезны, – проговорил более осторожный Гуров. – Иголка в стоге сена и та бесследно не исчезает, а тут человек. Не может быть, чтобы он нигде ни разу не засветился.

– Скажите мне вот что: вы уверены, что все это, – брезгливо оттолкнул от себя бумаги генерал, – дело рук одного и того же человека?

– Совпадением такое тоже не назовешь, – покачал головой Лев, собирая листы в стопку. – Я еще понимаю, два, ну три эпизода, но шесть? Нет, товарищ генерал, случайностью тут и не пахнет. Как ни прискорбно это сообщать, но у нас на руках серия. Странная, не вписывающаяся ни в одну схему, но серия.

Орлов и сам понимал, что, скорее всего, Гуров прав. Но как же он хотел, чтобы на этот раз его лучший опер ошибся в своих прогнозах!

Два часа, пока капитан Жаворонков работал с базой данных, Лев обзванивал лечебные учреждения, которые по роду своей деятельности обслуживали беременных женщин. Дважды ему казалось, что он напал на след девушки из контейнера, и оба раза оказались провальными. Поняв, что больниц намного больше, чем он сможет прозвонить за неделю, и что достоверной полученную таким образом информацию можно будет считать только условно, он решил сменить способ опроса и, снова связавшись с Орловым, убедил выделить под его начало три наряда из числа патрульной службы. Их он отправил объезжать кабинеты женской консультации, расположенные в Московской области. В районные отделения полиции ушла ориентировка, по которой каждый отдел должен был в срочном порядке обойти такие заведения в своем районе. К приметам, указанным в ориентировке, прилагалось фото девушки. Смогут ли врачи из консультации узнать свою пациентку по этому снимку? Гуров полагал, что смогут.

А потом пришел Жаворонков, и все резко изменилось. Данные, которые он собрал, поражали своим масштабом. Как всегда, капитан не ограничился рамками, установленными полковником, и расширил диапазон поиска до пяти лет. Его инициатива принесла свои плоды. В

общей сложности капитан нашел шестнадцать уголовных дел, где жертвой стала беременная женщина. Восемь из них Гуров сразу отмел. Здесь налицо присутствовал либо несчастный случай, подтвержденный очевидцами, либо суицид. Два случая оставляли сомнения, стоит ли тратить на них время. А вот по шести эпизодам однозначно было над чем подумать и поработать.

Все шесть эпизодов, включая те, о которых Гуров и Крячко уже знали, объединяло сразу несколько пунктов. Первый – это беременность жертвы, по этому критерию Жаворонков информацию и отсеивал. Второй пункт – отсутствие документов и личных вещей. Третий – возраст жертвы, от двадцати двух до двадцати семи лет. Четвертый прослеживался в тех случаях, когда жертву удавалось опознать. Все эти девушки были убиты в разных городах, но проживали неизменно в Москве, даже не в области. На момент изучения материалов из шести жертв опознать удалось только троих, по их месту проживания и ориентировался Гуров. Пятый – это способ убийства. Всегда разный, но совершенно дикий, не укладывающийся в привычные стереотипы.

Но самый главный критерий, по которому эти шесть жертв оба полковника однозначно отнесли к серии, появился чуть позже. И снова благодаря упорству капитана Жаворонкова. Услышав версию Гурова о том, что идеи для двух преступлений убийца позаимствовал в интернете, Жаворонков решил проверить, верна ли она для остальных случаев. Он засел за компьютер, а спустя три часа вернулся в кабинет Гурова с готовым результатом. Ему удалось найти убийство-двойник для каждого из эпизодов. Срок их давности варьировался в диапазоне от семи до двадцати лет, но материалы по этим делам все еще находились в общем доступе на просторах интернета.

Получив такое подтверждение, Гуров уже не мог игнорировать все остальные совпадения. Собрав бумаги в папку, он вместе с Крячко отправился к генералу на доклад...

Теперь же он сидел и ждал, каков будет приказ. Позволит ли Орлов отложить в сторону бесперспективные поиски случайного знакомого буфетчицы Тамары и вплотную заняться делами, схожими с нынешним и так и не закрытыми за отсутствием подозреваемого? Колесания генерала он понимал. Столько народу отработывало каждый эпизод, и никто ничего не смог не то что доказать, в стройную цепочку последовательность событий и то вписать не сумели, а тут пришел подчиненный генерала и заявил, что у него на руках серия и искать нужно серийного убийцу. Все бездельники, одни орловские молодцы – нарыли серийного маньяка, теперь пресса палаточный лагерь перед входом в главк разобьет.

И еще один минус. В верхах ой как не любят дел о маньяках. Почему? Да потому что каждое такое расследование растягивается не на один год, количество жертв растет, а правоохранители только руками разводят. А руководству процент раскрываемости подавай. «Висяков» у каждого отдела и без маньяка хватает. Так что предположение Гурова генерала не радовало. И все же добро на проведение повторного опроса свидетелей Орлов дал.

– Каким количеством личного состава мы можем располагать? – сразу перешел к практическим вопросам Гуров.

– Какой еще личный состав? – возмутился Орлов. – Вдвоем справитесь.

– Товарищ генерал, может, хоть парочку ребят? – поддержал напарника Крячко. – Ведь время упустим. Пусть сгоняют по самым бесперспективным делам.

– Ну хорошо, ориентируйтесь по обстановке, – сдался Орлов. – Только чтобы там без самостоятельности.

Работу, которую предстояло выполнить Гурову и Крячко, легкой не назвал бы ни один сотрудник уголовного розыска. Общаться с родственниками погибших всегда тяжело, но допрашивать близких жертвы после того, как прошло время, тяжело вдвойне. Только-только

родственники начинают свыкаться с мыслью, что дорогого человека больше нет, что смерть его, бессмысленная, зачастую нелепая или жестокая, будет лежать на сердце тяжким грузом долгие-долгие годы, но жить все равно придется. Только-только кровоточащая рана начинает затягиваться и мозг позволяет переключиться на бытовые проблемы хотя бы на несколько минут в день, как появляется оперативный работник и своими вопросами снова берedit еще не зажившие раны, точно солью на них сыплет своими вопросами.

В такие моменты близкие жертвы ненавидят не виновника трагедии, а оперов и следователей. Почему они не хотят оставить их в покое? Зачем снова и снова извлекают на свет грязное белье? Для чего заставляют вспоминать подробности, напоминают о том, какие мучения перед смертью испытывал родной человек? С какой целью выискивают новые детали? Ведь все равно толку никакого не будет. Преступник так и останется безнаказанным, и вопросы эти им, родственникам жертвы, лишний раз показывают, что где-то они недоглядели, что-то упустили, вовремя не заметили тревожных сигналов, которые наверняка были. А в результате – смерть. На ком лежит вина? Думать об этом больно, но ведь думается.

По этой причине, стоя на пороге квартиры первой жертвы неизвестного маньяка, Гуров медлил нажимать на кнопку звонка. Слишком хорошо он знал, что произойдет дальше. Крячко чувства напарника понимал, как никто другой, как понимал и то, что звонить все равно придется.

– Давай, Лева, не тяни резину, – поторопил он друга. – Раньше сядем – раньше выйдем.

– Дадим им еще полминуты относительного спокойствия, – проговорил Гуров, не снимая пальца с кнопки. – Для нас отсрочка ничего не изменит, а им хоть какое-то облегчение.

За дверью жили мать и отец девушки, погибшей три года назад. Ее постигла смерть, нелепая до абсурда. У Крячко не было уверенности, что этот случай вписывается в серию, но Гуров настоял на проверке. Девушка, Ольга Цыганкова, работала на хладокомбинате простым лаборантом при технологической лаборатории. Обязанности ее были несложные, не требующие ежесекундной концентрации внимания, а так как, по словам коллег, умением сосредотачиваться исключительно на трудовых обязанностях девушка не блистала, работа была как раз по ней.

Все друзья и коллеги сходились на том, что Ольга относилась к так называемому разряду мечтателей. Она могла пойти в магазин за продуктами, размышляя о сложностях жизни бездомных людей, и с полдороги свернуть, отправившись в ближайший центр для бездомных. Там она могла раздать все деньги, не оставив себе даже на автобусный билет, и только придя домой, вспомнить, что продуктов так и не купила. Благо жила Ольга с родителями и потому голодная смерть ей самой не грозила.

Родители же ее прихоти потакали. В какой-то степени они даже гордились тем, что вырастили дочь чувствительной к чужой беде. Когда-нибудь помощь понадобится ей самой, полагали они, и тогда-то Ольга получит дивиденды от своей благотворительной деятельности. Однако, когда помощь потребовалась, очередь из спасателей не выстроилась. А помочь ей было можно, стоило только повнимательней отнестись к отсутствию коллеги, тем более что находиться вне рабочего пространства для девушки было нетипично.

Последний, кто видел Ольгу живой, был подсобник с холодильного склада. Девушку отправили собрать образцы новой партии сырья и отнести их в лабораторию для обязательной внутренней проверки. Сертификаты сертификатами, а за качество товара отвечает руководство завода. Ольга прошла мимо курилки, где сидел подсобник. Перекинулись парой слов, скорее из вежливости, чем ради общения. Ольга сообщила, куда направляется и зачем, подсобник посетовал на тягостный рабочий день, который растянулся как резина из-за отсутствия реальной работы.

Когда девушка скрылась за углом, подсобника вызвал старший смены. Велел устранить косяки, допущенные подсобником. Ничего серьезного, просто пале-ты по местам разложить. Отсутствовал он долго, порядка трех часов, а когда вернулся, Ольги в коридоре уже не было.

Хватились ее часа через четыре, когда технологу потребовались результаты проб. Он позвонил в лабораторию, и тут выяснилось, что Ольги там не было. Технолог не особо удивился, такое случалось и раньше, забылась девушка, замечталась и не дошла до лаборантов. До конца рабочего дня оставалось полтора часа, а на подготовку результатов проб требовалось не более тридцати минут, так что исправить положение время было. Как бы ни был технолог снисходителен к причудам мечтательной подчиненной, делать работу за нее он не собирался, поэтому начал обзванивать все лаборатории и отделы, где, по его мнению, могла задержаться девушка.

Полчаса он пытался отыскать сотрудницу и в итоге решил, что Ольга ушла домой. Температура поднялась, живот прихватило, или еще какой-то недуг напал, вот она и сократила себе рабочий день. В отличие от работяг с конвейера сотрудники лаборатории имели свободу передвижения. Могли себе позволить задержаться или, наоборот, уйти раньше, так как частенько их профессиональные заботы лежали вне территории комбината.

Почему он решил, что Ольга ушла, не предупредив непосредственное начальство, не получив разрешения и не объяснив причин ухода? Да потому, что и такое уже бывало. После она всегда оправдывалась тем, что ей якобы показалось, что все формальности соблюдены и разрешение получено. Она так искренне удивлялась, узнав, что никакого разрешения не получила, что у технолога не хватало решимости наказать сотрудницу за самовольство.

Придя к выводу, что от Ольги он нужных сведений уже не получит, технолог вызвал второго лаборанта, студента-практиканта Толика. Не озвучивая ситуации с Ольгой, он велел тому скоренько бежать к холодильной камере номер шесть, собрать пробы и дуть в лабораторию. Толик хоть и студент, а парень расторопный, тянуть время не стал. Дошел до холодильной камеры, открыл замки специальным ключом, как полагалось по технике безопасности, поставил их на предохранитель и вошел в просторное помещение камеры. Он успел сделать всего пару шагов, когда увидел Ольгу. Тело девушки лежало на холодном полу, возле руки на хромовой поверхности пола красным пятном выделялся мобильный телефон. Толик охнул и выскочил наружу.

До приезда «Скорой» и полиции технолог выполнил устные инструкции, полученные от медиков, пытаясь согреть тело девушки, но вскоре понял, что любые действия бесполезны. Приезд медиков только подтвердил опасения технолога. Состояния гипотермии Ольга не пережила. Медики констатировали факт смерти, забрали тело и уехали. За работу взялась полиция. Произвели осмотр места происшествия, опросили сотрудников цеха, составили схему передвижения всех работников дальних и ближних цехов и лабораторий. Со слов коллег Ольги составили представление о характере и привычках девушки.

В итоге пришли к выводу: смерть Цыганковой явилась результатом несчастного случая. Девушка пренебрегла правилами по технике безопасности, не зафиксировала замки холодильной камеры и сама себя заперла изнутри. Тот факт, что Ольга была беременна и имела при себе телефон, правоохранители решили проигнорировать. А вот Гурова он заинтересовал в первую очередь.

Прежде чем ехать к родителям Ольги, он не поленился связаться со следователем, который готовил материалы дела, и выяснил следующее: сотовая связь работала исправно даже при закрытых дверях холодильной камеры, но ни одного звонка девушка не сделала. Почему? Самым очевидным объяснением такого поведения являлась версия суицида, но следователь честно признался, что не стал на ней настаивать, пощадив чувства убитых горем родственников. Такой вот сентиментальный поступок.

Что же касалось беременности девушки, выяснить, кто является отцом ребенка, следовательно не удалось. Родители в один голос твердили, что Ольга ни с кем не встречалась, подтверждения обратного найти не удалось, и этот вопрос следователь тоже предпочел оставить без ответа. На преднамеренное убийство не было ни одного намека, поэтому он и не стал глубоко копать. Явилась ли смерть Ольги результатом несчастного случая или же девушка все заранее спланировала, для следствия особой роли не играло. Так или иначе девушка мертва, и судить за это некого. Почему бы не оставить людей в покое?

Случаи, подобные Ольгиному, согласно статистике, собранной капитаном Жаворонковым, происходили не так уж и редко. Иногда оказывалось, что жертву закрыли в холодильной камере намеренно, иногда по чистой случайности. Бывали и доказанные случаи самоубийства. Правда, чтобы при этом жертва была еще и беременна, о таком в интернете не писали. Чтобы выяснить, подходит ли случай Ольги Цыганковой к серии, Гурову требовалось собрать больше информации, вот почему он стоял сейчас перед дверью ее квартиры.

На звонок дверь открыл сухощавый мужчина лет сорока пяти. Подтянутый и строгий даже в домашней одежде, он производил впечатление бывалого служаки. Гуров знал, что к военной службе отец Цыганковой отношения не имеет, и все же ощущение, что перед ним бывший военный, было достаточно сильным, и он, повинувшись порыву, по-военному четко произнес:

– Здравия желаю! Цыганков Валерий Дмитриевич?

– Так точно, – подлаживаясь под тон гостя, подтвердил Цыганков и тут же сбился на устаревшую форму общения, выдавшую в нем преподавателя литературы, кем он, собственно, и являлся: – Чем могу быть полезен?

– Полковник Гуров, Московский уголовный розыск, – доставая удостоверение, представился Лев. – Это мой коллега, полковник Крячко. Разрешите войти?

– Не думаю, что это удачная мысль. – В глазах Цыганкова промелькнуло беспокойство. – Моя супруга только что легла отдохнуть, и мне бы не хотелось ее тревожить.

– Мы можем побеседовать и здесь. Правда, беседа может оказаться слишком личной. Не знаю, как вы отнесетесь к тому, что подробности вашей личной жизни станут достоянием соседей, – заметил Гуров.

– Моей личной жизни? Это интересно, – нахмурился Цыганков. – Позвольте хотя бы узнать, что привело вас в мой дом?

– Необходимость прояснить некоторые детали смерти вашей дочери.

– О боже, зачем?! Столько лет прошло, что нового вы можете узнать теперь? – простонал Цыганков.

– Появились новые обстоятельства, – уклонился от прямого ответа Гуров.

– Ваши обстоятельства меня не интересуют. Копаться в прошлом я не собираюсь и вам не позволю.

Цыганков постарался, чтобы отказ прозвучал категорично, но что-то подсказывало Гурову, что стоит надавить, и он изменит свое решение.

– Валерий Дмитриевич, я мог бы вызвать вас повесткой в отдел и тем самым вынудить к сотрудничеству, но делать этого мне не хочется. Поверьте, я понимаю, насколько этот вопрос является для вас болезненным, и раз уж я все равно здесь, значит, вопрос серьезный. Прошу вас, не заставляйте меня идти на крайние меры. Это никому пользы не принесет.

Пару минут Цыганков вглядывался в лицо Гурова, будто пытался найти на нем ответ на самый важный жизненный вопрос, затем глубоко вздохнул и произнес:

– Хорошо, проходите. Только у меня к вам просьба: постарайтесь не шуметь. Не стоит волновать мою супругу. Знаете, она ведь так и не отошла после смерти Оли.

– Если в этом не будет необходимости, вашу супругу мы не побеспокоим, – пообещал Лев.

Цыганков провел их на кухню. Включил чайник, расставил на столе фарфоровые чашки, достал вазочку с печеньем и привычно занял табурет возле окна. Пепельница, полная окурков, говорила о том, что здесь хозяин квартиры проводит большую часть времени. Он закурил, не спрашивая разрешения у гостей. И после пары затяжек перевел взгляд на Гурова. Тот понял, что Цыганков готов к беседе, и заговорил.

– Понимаю, наши вопросы могут показаться вам слишком личными, но обстоятельства складываются так, что от этого никак не уйти.

– Не нужно предисловий, – остановил его Цыганков. – Любой вопрос про Олю будет личным, так что не стоит тратить время на расшаркивания. Раз уж я впустил вас в дом, значит, должен отвечать максимально откровенно. О моих чувствах беспокоиться не стоит. Уверен, что за последние три года я по двадцать раз задал себе каждый из тех вопросов, которые собираетесь задать вы.

– Это даже к лучшему, – кивнул Лев. – Возможно, на часть из них вы сумели найти ответ.

– Я даже знаю, каким будет ваш первый вопрос. – Губы Цыганкова тронула печальная улыбка. – Хотите знать, кто же все-таки отец неродившегося Олиного ребенка?

– А вы это знаете?

– Увы, нет. Полагаю, Оля не хотела афишировать отношения, так как не была уверена в партнере. Ей ведь было всего двадцать три. Слишком юный возраст для принятия серьезных решений, а тут такое. Скорее всего, никакого партнера и не было вовсе. Думаю, это была случайная связь, которая закончилась беременностью. Такое случается и с хорошими девочками. Оля ведь была хорошей девочкой, в самом широком смысле хорошей. Она занималась благотворительностью, помогала бездомным.

– Вы не пытались выяснить, не в этой ли среде она нашла себе кавалера? – вдруг бухнул Стас.

– В среде бездомных? – Цыганков отреагировал на его заявление на удивление спокойно. – Нет, уверен, что ее милосердие так далеко не зашло бы.

– Я не это имел в виду, – спохватился Крячко. – Я говорил про коллег, которые так же, как и Ольга, занимались помощью бездомным. Ведь в этих центрах работают не только женщины.

– Ах, вы об этом? Что ж, возможно. Я не выяснял. В Центр ездил, с друзьями ее общался, все хотел понять, не могла ли Оля сама на себя руки наложить. Ну, из-за беременности и прочих проблем. Ребята там работают вполне приличные. Речь грамотная, жизненные установки правильные. Но про Олю они мало что знали. Она у нас странная была, если общепринятыми мерками мерить. Про таких говорят: не от мира сего.

– В Центре про ее связь никто ничего не знал?

– Нет, не знал. И на работе она никому не говорила, даже не намекала на то, что у нее кто-то появился. Да и нам с матерью не открылась. Срок у нее был три месяца, я отсчитал их назад, буквально по минутам события того времени разложил, но так и не сумел отследить, когда же это случилось. Я ведь и сейчас думаю, что парень этот или мужчина случайным в ее жизни был. Может, на вечеринке встретились? Юбилей там, или общегосударственный праздник, или корпоратив на работе? Но ничего такого в тот период не происходило. Ни одного праздника, ни одного выхода в свет. Не понимаю, как она вообще умудрилась забеременеть, если все время дома сидела?

– Скажите, у Ольги были подруги? Быть может, кому-то из них она открылась?

– Подруги? Пожалуй, нет. По крайней мере в том смысле, который вкладываете в это слово вы. Закадычной подруги Ольга не заимела. Она ведь домоседкой была. Дневников не вела, а вот книги читала запоем.

– Библиотека сохранилась? – задал практический вопрос Гуров.

– В ее комнате все осталось без изменений, – чуть смущенно признался Цыганков и, как бы оправдываясь, добавил: – Супруга не позволяет там ничего менять. Когда совсем не вмоготу

ей становится, она туда уходит и сидит. Потом к жизни возвращается. Хотите взглянуть на комнату?

– Если можно, – сдержанно произнес Лев, хотя перспектива осмотреть вещи покойной его обрадовала.

– Пойдемте.

Цыганков встал, провел полковников через проходной зал, толкнул угловую дверь, и все трое оказались в небольшой, три на три метра, уютной спальне. Несмотря на то, что комнатой явно долгое время не пользовались, воздуху здесь застаиваться не давали. Гуров прошел к книжному шкафу, Крячко же начал осмотр письменного стола. Просматривая корешки книг, Лев размышлял о том, по какому принципу девушка подбирала произведения. Системы или персональных предпочтений Ольги он определить не смог. Здесь были и научно-популярные издания, и книги про животных, и исторические романы. Книги «короля ужасов» соседствовали с сентиментальными романами для женщин. Религиозные издания стояли вперемешку с детективами, а солидные философские труды разбавляли книги-комиксы американских авторов.

Единственная более или менее логически обоснованная подборка произведений лежала на отдельной полке возле кровати. В ней было порядка десяти книг, и все они оказались посвящены взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. Гуров полистал книги и поинтересовался у Цыганкова, за какой период его дочь собрала эту группу книг. Оказалось, что все эти книги появились у Ольги одновременно. Когда дочь принесла их домой, Цыганков помнил очень хорошо. Это случилось месяцев за пять-шесть до ее смерти. Ольга пришла с работы чуть позже обычного и на вопрос матери, где она так задержалась, ответила, что была в библиотеке. Зачем дочери понадобилось идти в библиотеку, мать так и не поняла. Это противоречило привычкам девушки.

Книги в электронном формате Ольга не признавала, предпочитая покупать бумажную версию. Однако для этого ей не нужно было выходить из дома, тащиться в магазин и там рыться на полках. Все свои книги она заказывала в интернет-магазинах, причем почти всегда с доставкой на дом. Зарабатывала Ольга не ахти, но родители денег с нее ни за питание, ни за коммунальные услуги, ни за одежду не брали, так что скромную зарплату лаборантки Ольга могла тратить на свое усмотрение.

Когда речь про библиотеку зашла, мать Ольги удивилась, но и обрадовалась одновременно. Подумала, что дочери надоело сидеть вечерами дома, но ходить на вечеринки по-прежнему не хочется, вот она и выбрала альтернативный вариант.

– На книгах нет библиотечных меток, – заметил Гуров.

– Действительно нет, – полистав одну из книг, растерянно произнес Цыганков. – Выходит, Оля сказала матери неправду?

– И случилось это примерно за шесть месяцев до ее смерти...

– Думаете, это как-то связано с ее смертью?

– Вполне возможно, – осторожно ответил Лев. Он достал фоторобот Деятеля и показал Цыганкову: – Скажите, в кругу знакомых Ольги вы не встречали этого человека?

– Нет, не встречал. Кто он? – взглянув на рисунок, спросил Цыганков.

– Человек, которого мы разыскиваем, – снова уклонился от прямого ответа Гуров.

– Думаете, он отец ребенка? – догадался Цыганков. – Что ж, вполне возможно. Подобный типаж, как мне кажется, во вкусе Оли. В такого она и влюбиться могла.

– Быть может, и влюбилась, – кивнул Лев и быстро убрал рисунок.

Закончив осмотр комнаты, Гуров и Крячко попрощались с отцом Ольги и ушли. В комнате, помимо подборки книг, обнаружить ничего не удалось. Но и эта деталь говорила скорее в пользу версии о том, что смерть девушки вписывается в серию, разработкой которой занялись полковники. Скрытность Ольги, ее беременность, тематика книг – все говорило о том,

что тайный кавалер у нее был. То, что, имея возможность позвать на помощь, она этого не сделала, вписывалось в серию как нельзя лучше. В этом мнения полковников сходились. И все же Крячко продолжал сомневаться, их ли клиент обработал девушку, заставив убить саму себя? О чем и сказал напарнику, как только они оказались на лестничной площадке:

– И все равно не пойму, почему ты настаиваешь, что Цыганкова из нашей серии? То, что она телефоном не воспользовалась? Так это просто объясняется: протянула долго, все решала, стоит ей жить или проще умереть. А когда решилась, было уже поздно. Пальцы слушаться перестали, уронила мобильник, а поднять сил не хватило. У нее ведь сердце отказало, верно? Верно. Вот тебе и ответ. По мне, так тут суицид чистой воды. Как сказал ее отец, она всегда со странностями была. Первый претендент на самоубийство. А по главному критерию она не проходит. Во всех других случаях проживали девушки в Москве, а умирали в других городах, Ольга же и жила, и умерла в Москве.

– Да потому, что она первая жертва маньяка, – выдвинул предположение Гуров. – Почему бы ему не усовершенствовать свой метод? Решил, что убивать девушек на расстоянии – это круто, вот и стал отправлять их подальше от себя. Здесь же все сложилось настолько ровно, что менять место не было смысла. Девушка работает возле холодильных камер, имеет к ним прямой доступ. Зачем огород городить?

– Ну, может, ты и прав, – сдался Крячко. – Тогда нужно ехать на комбинат. Предъявим коллегам Ольги фоторобот нашего Деятеля, вдруг кто вспомнит?

Но на комбинате им не повезло. За три года из старого состава сотрудников продолжали работать на прежнем месте всего человека три-четыре. Они мужчину с фоторобота не признали. В Центре помощи бездомным оказалось и того хуже. Текучка затронула их куда сильнее, чем хладокомбинат. Здесь и Ольгу-то никто не помнил, что уж говорить о мужчине с рисунка?

Отработав первый пункт из списка возможных жертв Деятеля, полковники искомого результата не получили, но поняли, что обходиться придется без помощников. Слишком многое в этом деле зависело от умения видеть картину в перспективе и выуживать информацию из убитых горем, а то и озлобленных на весь свет родственников. Перепоручить это дело кому-то значило упустить шанс напасть на реальный след Деятеля. Придя к такому выводу, Гуров и Крячко решили разделиться. Поделив фамилии из списка, они разъехались каждый по своим адресам, договорившись встретиться в управлении после того, как пройдут список целиком.

Глава 7

На то, чтобы обойти всех родственников и друзей погибших девушек, выделенных в серию, ушло три дня. И все же они не были потрачены впустую. На этот раз повезло Гурову. Случилось это в тот момент, когда у оперов окончательно иссякло терпение. Да и как тут руки не опустить, когда бегаешь с утра до ночи по Москве, строчишь запросы в районные отделения полиции тех городов, где были обнаружены жертвы, выискиваешь по всему городу сослуживцев жертв, которые давным-давно сменили место работы, а то и место жительства, и каждый раз получаешь один и тот же результат: мужчину с фоторобота никто никогда не видел.

В какой-то момент Гурова взяло сомнение: а говорит ли буфетчица Тамара правду про то, каким образом она стала отправительницей контейнера, в котором погибла девушка? Может, она сама все и организовала, а потом, когда жареным запахло, попросту выдумала историю со спасением от дворовой шпаны, и человека с фоторобота вообще в природе не существует? Версия эта не выдерживала никакой критики, Гуров это прекрасно понимал. Ну действительно, кем надо быть, чтобы, спланировав преступление, буквально подписаться под ним красными чернилами? Отправить труп от своего имени? Нет, это уже не преступление, а идиотизм. И все же после долгих часов бесплодных поисков червь сомнения заработал на полную катушку.

Он даже с Крячко своими сомнениями поделился, настолько тупиковой казалась ему ситуация. Стас, как и предполагалось, версию Гурова раскритиковал. Скорее тут серии никакой нет, заявил он, просто разрозненные преступления, которые они, бывалые опера, по глупости приняли за серию. Ну, совпало так, что девушки беременны и никто из родственников не знает о том, с кем у них были отношения. Мало ли таких случаев, когда девица сама не знает, от кого залетела? Родственникам кажется, что с ними под одной крышей целомудренный ангел живет, а она тайно пускается во все тяжкие, в результате чего в животе бебик зарождается. И вовсе не обязательно это событие смертью заканчивается.

Но от версии про серийного убийцу Гуров не был готов отказаться. Он нутром чувствовал, что не ошибся. Возможно, с кем-то из отсеянных девушек он и просчитался, но чтобы со всеми? Быть такого не может.

Спасение пришло рано утром, когда Гуров и Крячко, закончив беготню по Москве, сидели в кабинете и решали, куда двинуться дальше. Зазвонил селектор внутренней связи, и дежурный сообщил, что к Гурову пришла гражданка Шошина Елена Станиславовна. Фамилию девушки Лев вспомнил сразу. Только вчера он беседовал с Еленой о ее подруге, Раисе Удьяниной. Трагедия, случившаяся с подругой, произошла всего год назад, и на девушку Гуров возлагал большие надежды. Он встретился с матерью Раисы, затем съездил в университет, в котором она училась до смерти, пообщался с соседями, но ничего толкового из этих встреч не вынес. Кроме одного малюсенького сомнения, имя которому как раз и было Елена Шошина.

Еще вчера при встрече с Еленой у него появилось стойкое ощущение, что девушка чего-то недоговаривает. Уж он и так и эдак вокруг нее кружил, и на совесть давил, и к скрытым угрозам прибегал, ничего не сработало. Девушка уперлась и стояла на своем: никаких секретов ей Раиса не открывала, ни с кем не встречалась, и вообще в последнее время их отношения стали отстраненными, так что она не при делах. В итоге Гурову пришлось смириться. Он оставил Елене визитку, настоятельно порекомендовав подумать, стоит ли хранить секрет подруги даже через год после ее смерти?

Гуров не особо надеялся, что девушка передумает, слишком упорно она стояла на своем. Однако и суток не прошло, как Елена появилась в управлении. Значит, передумала, и это могло означать только одно: интуиция Гурова не подвела. Он велел дежурному проводить Шошину до кабинета. Та вошла и прямо с порога, без всяких предисловий, заявила, что хочет рассказать о женихе Раисы.

– Присаживайтесь, Елена Станиславовна, – предложил девушке стул Лев. В ответ она одарила его лучезарной улыбкой:

– А вы, оказывается, кавалер. Это очень приятно.

– Рад, что в моем кабинете вы чувствуете себя комфортно, – произнес Гуров и сразу перевел разговор в деловое русло: – Итак, вы готовы поделиться информацией. Можете начинать.

– Не знаю, поможет ли это вам... – В голосе Елены звучало сомнение, но Лев видел, что настроена она решительно. – Вчера после нашего разговора я долго думала. О том, что в последнее время мы с Раечкой отделились, я говорила правду. Только причину охлаждения скрyla. Сама не знаю, почему так поступила. Ведь если вы говорите, что Раечка не случайно оказалась в той комнате, я сразу должна была все выложить. Она ведь моя подруга, а он мне никто. Он мне даже не нравился!

– Сейчас вы говорите о женихе Раисы? – мягко спросил Гуров.

– Да какой он жених? Так, недоразумение. Это Раечка считала, что у них все серьезно, а я считаю, что раз человек скрывается от твоих родственников и друзей, тут могут быть только два варианта: либо он женат, либо не имеет на тебя серьезных видов. А может, даже два в одном, как шампунь с кондиционером. И женат, и видов не имеет. Познакомился, поигрался и бросил.

– Давайте вернемся немного назад, – предложил Гуров. – Из ваших слов я понял, что парень у Раисы все же был. Это так?

– Так, только я его ни разу не видела, – заявила Елена.

– Хотите сказать, она от вас его скрывала?

– Да она и сами отношения скрывала, не только своего ненаглядного. – В голосе Елены зазвучала горечь. – Знаете, как мне обидно было, когда я узнала, сколько времени они уже встречаются? Мы ведь с ней с самого детства дружили. В одном доме жили. Она на этаж выше, все время в гости друг к другу ходили. Она мне вообще все рассказывала, ну и я ей, соответственно. А тут такое событие, а она скрyla.

– Охлаждение дружбы произошло постепенно или резко?

– Не знаю, как-то в голове не зафиксировалось, – призналась Елена. – Просто в один прекрасный момент я поняла, что Раечка что-то от меня скрывает. К тому же она лекции стала чаще пропускать, а когда я спрашивала, почему она не пришла, все время тему разговора старалась перевести. Но о женихе у меня в тот момент и мысли не возникало. Максимум, что я могла предположить, это то, что кто-то из группы ей на меня наговорил гадостей, вот она и дуется. Потом уже сообразила: если бы я ее чем-то обидела или клевету какую-то она за правду приняла, она бы со мной вообще общаться перестала. А так, день мы дружим, смеемся, гуляем вместе, а потом она вдруг раз – и исчезает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.